

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Зимний гром

Поезд свадебный под звон бубенчиков
Направлялся к дому жениха.
Василиса и Анфим обвенчаны
В православной церкви с пением,
Воск от свечки не пролив с греха.
Снег искрился под копытами.
Впереди колдун бежал,
Перед праздной свитой
Все препятствия с дороги убирал,
С ловкостью и хитростью.

К каждой веточке притронется,
На зубок её попробует.
Чтобы не споткнулись кони
От нашептанной нечистой злобы.
Верховым махнёт рукой с улыбкой,
Путь свободен от лукавого!
Сор отбрасывая безошибочно,
Что-то скажет для забавы.
Шапку из сукна на голове придержит,
Дабы не свалилась сверху.

С образом среди двора стоял Григорий,
Аграфена с хлебом-солью.
Братья милые индейцы с пивом-брагою.
Шубу Аграфена вывернула наизнанку,
В волосах её тряпица грязная для блага,
Чтобы молодуха испугалась перебранки,
С первых дней была послушной.
Дорогие гости выпили по чарочке
Да в избу входили на пирушку,
В горницу несли подарки.

Парни с ружьями стреляли в воздух.
Аграфена сыпала молодых пшеном,
Чтобы счастье не блуждало врознь,
Для знамений добрых грело бы лучом.
Как лебедушку желанную
От небес предсказанную,
Перенёс через порог Анфим невесту,
Дабы домового облазнить²⁵⁶,
Словно Василиса не с чужого места,
В этом доме от рожденья стала жить.

Молятся жених с невестой в сенях,
После трех поклонов
Получили от отца и матери благословение
Хлебом-солью и иконой.
На божницу образ ставится.
Прославляя добронравие,
Свахи с песнями проводят молодых за печкой,
Заплетают волосы невесте
В две косы, поверх платочек безупречный,
И к столу сажают вместе.

По обычаю Анфим вино всем наливает,
Василиса на тарелочке разносит.

²⁵⁶ Облазнить — обмануть, ввести в заблуждение.

Гости их с законным браком поздравляют.
Александра и Елена целоваться просят.
“Молодым совет, любовь и счастье!”
Третий день, как пир горой идёт.
Люд простой в потехах мастер.
Аграфена расцвела от радости,
Словно дочка рядышком живёт,
Затянула песню складную:

*“Под окошком не стучи,
Понапрасну не молчи.
Заходи в ограду,
Чтобы знала мать,
Кого зятем звать.
Обещался дворянин, а невеста рада.
Отвечала жениху – не умею жать я.
Ты построй мне холодок,
Буду там лежать, милок
В понедельник – день бездельный.*

*Я во вторник в поле жала.
В среду вывезла снопы.
Била их в четверг цепями.
В пятницу, провяв без мольбы,
Зёрнышки молола всю субботу.
В воскресенье продала
С лёгким сердцем беззаботно.
В понедельник пропила.
Пьяная на радостях была,
Веселилась я с охотой”...*

Собирались понемногу в путь.
До Иркутска вместе с Александрой.
Как морозы льды на Ангаре скуют,
Выедут с торговым поездом на санях.

На Казанскую²⁵⁷ снега покрыли горы.
Ели, сосны в ослепительных коронах.
По утрам студёные дымились зори,
Точно зажигала их Юнона²⁵⁸,

За любовь земную мстила
Всем, кто кровь имеет в жилах.

Божий суд в огне, в воде вершится.
Правда вечная святая вера.

²⁵⁷ 4 ноября церковь отмечает праздник Казанской иконы Богородицы, установленной в честь избавления Москвы и всей России от поляков в 1612 году.

²⁵⁸ Юнона – в римской мифологии одна из верховных богинь. Покровительница брака. Отличается властью, жестокостью и ревнивым нравом.

Докрасна железо раскалится,
Солнцем засияет ковкий серп!
Замела пурга под вечер.
В горнице мерцают свечи.
У окна на красной лавке,
У входной двери на конике
Слушают индейцы, как стучится в ставни
Ветер с заунывным стоном.

*“Жил когда-то ворон,
Он похитил свет и превратился в пыль.
Мглой покрылось море.
Внук Хозяина Вселенной хитрым был,
Из мешков достал луну и солнце,
Что сверкали в пляске молний.
Проглотил светила, словно жемчуг.
Чёрной птицей прилетел на землю.
Подарил индейцам звёзды,
Чтобы синева вернулась в воздух”, –*

Замолчал тлинкит Арама,
Он поведал миф народный.
Тени отражались в блеклом пламени.
Бушевала зимняя погода.
Вспоминая Розовую Чайку,
Утонувших храбрых воинов,
Мучилась Елена и вздыхала втайне
От душевных напряженных поисков.
Василиса и Анфим останутся в Сибири.
Отчего тоску мизгирь²⁵⁹,

Словно сеть плетёт?
Не даёт свободу мыслям.
Время дивное – созревший плод –
Роковою тяжестью нависло.
Бестелесность, безграничность

²⁵⁹ Мизгирь – земляной паук.

Русской православности
Тёплыми молитвами спасает личность,
Сохраняет власть самодержавия.
У ацтеков множество богов,
Очертанья их во тьме веков.

Остров Астлан²⁶⁰ – место цапель.
На озёрах пышные сады – чинампа.
Древняя культура в капищах
Грандиозно выглядит из камня.
Пирамиды, роспись и мозаика,
Вазы из обсидиана, украшения.
Золото напрасно не утаивали.
Был нефрит важнее и бесценней.
Но испанцы покорили царство,
Все богатства захватили даром.

За богов их приняли индейцы
Из-за цвета кожи и одежды.
Испугались выстрелов ружейных,
Зря доверились разбойникам-невеждам...
Белая Сибирь в снегах глубоких,
Больше леса, рек, болот и гор.
Нет кровавых битв жестоких.
Мирно стукнет по стволу топор.
На оленьей нарте или конской
Пронесётся мимо птицей Алкион²⁶¹

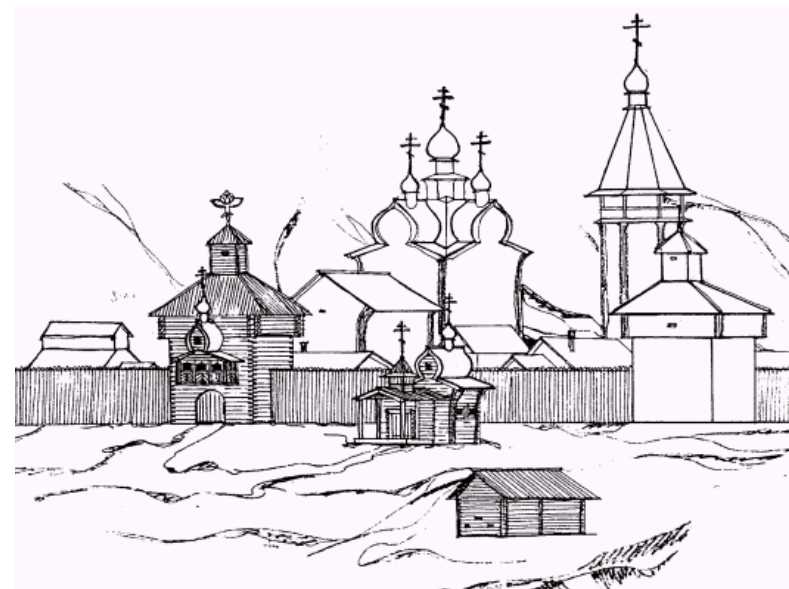
²⁶⁰ Первоначально ацтеки – бродячее охотничье племя. История его начинается с ухода во второй половине 12 века с мифической прародины – остров Астлан ("место цапель" – отсюда название племени; второе название ацтеков – теночки).

²⁶¹ Алконост – искажение древнерусского речения «алкион есть (птица)», от греч. alkuon — зимородок, сказочная птица с человеческим лицом, изображавшаяся на старинных лубочных русских картинках.

Юкагир, эвенк, якут, крестьянин русский.
 Кровь не льётся, стычек нет.
 Как ручьи, сливаясь в новом русле,
 Жизнь несётся с ямщиками вслед.
 Церкви и соборы, звон колоколов.
 Чистая лазурь и купола сияют.
 Радует глаза прелестный вид домов.
 Кажется, их время не меняет.
 Древность – уличающий свидетель,

Помнит в людях добродетель.

Может быть земля России
 Колыбель людского братства?!
 Племена не властны для стихии,
 Чистота души – великое богатство.
 В сенях отворилась дверь,
 В горницу вошёл казак Ипатий,
 Шубу сбросил с плеч со снегом.
 Холодком повеяло метели.
 Задрожали свечи блеклые.
 Вздрогнула Елена, отвергая мысли,
 Словно мудрая Элисса²⁶²

Загостилась в вольном ските.
 В тишине раздался её звонкий голос

²⁶² Элисса – в античной мифологии дочь царя Тира, основательница Карфагена.

Пением сопрановой виолы:
"Храбрые ацтеки и тлинкиты,
Верные друзья, Алёша и Ипатий,
Милая сестрица Василиса,
За пять месяцев²⁶³ сибирской каторги
Без превратного внимания
По тропе войны прошли лисицами,
Не раскрыли наши планы.

Испытали горечь и утрату.
Потеряли Розовую Чайку,
Воинов отважных не вернуть обратно.
На реке не править без бабайки²⁶⁴!
Я хочу услышать мудрых слов
От тебя Ипатий – Белый Барс,
От тебя Алёша – Зоркий Сокол,
Без завьюженных узлов.
В кружевах всегда игривый фарс.
Распрямите спины, локти.

Пусть в глазах сверкнёт огонь,
Как в зрачках лесного ягуара.
Нити жизни вложены в ладонь,
А познание мира доблестью Икара²⁶⁵."
Встал Ипатий, бросил в печь поленья,
Бороду разгладил для порядка.
"Юная царица, ради уваженья
Я не стану говорить загадками.
Есть купец, он ищет провожатых
До границы Яика хлопочет охранять.

²⁶³ В календаре ацтеков месяц длился двадцать дней.

²⁶⁴ Бабайка – большое весло, на барках и плотках, для управления, вместо руля;

²⁶⁵ Икар – в греческой мифологии сын Дедала, поднявшийся в небо вместе с отцом. Образ Икара, стремящегося подняться как можно выше, невзирая на опасность, в искусстве и культуре издавна символизировал стремление человека к знаниям.

Воевода нам благоволит".
Стол стоял вдоль половиц
Домотканой скатертью накрытый,
На холсте расцветка птиц.
Стол в избе к иконам ближе,
Длань²⁶⁶ дарующего бога.
Угол красный для божницы.
Лик святых поблекшим оком
Зрел на странников готовых к трапезе
Под заманчивые запахи.

"Времечко торопит, братья! –
Осенив рукой иконный свет,
Чуть нахмурилась Елена, –
Мы не можем больше ждать,
Смута приближает бурю бед!
Кровь прольётся с наших вен.
Я желаю встретить казаков
Раньше, чем начнется бунт.
К Пугачеву надо слать послов,
Дабы просьбы не остались втуне²⁶⁷,

Пусть на наши земли глянут глазом
Без воинственной секиры.
Вольными придут в Аляску,
Поселившись как в Сибири".
"Эх, царица! Гром небес не покорить!
Русь кольнёт ершом, держись ужом! –
В сени дверь решив открыть,
Встал Ипатий у порога с трепетным лицом.
В клеть вели ступеньки к лешему,
Там хранились в боднях²⁶⁸ вещи.

²⁶⁶ Длань – ладонь

²⁶⁷ Втуне – бесплодно, напрасно; без результата.

Подышав морозным воздухом,
 Дверь, прикрыв плотнее,
 Сел казак на лавку, как на гвозди.
 Взгляд Елены солнышка яснее
 На лице светился гордой волей.
 “Нет, Ипатий, зло приносит горе!
 Бунт потеха для господ.
 Эхо виселиц хлестнёт народ.
 Помоги нам, Бог всевышний,
 Врачевать снадобьем не излишне.

Лучше гнев к добру приноровить,
 Чем печалить землю плачем и гробами”.
 В виде птицы перед образами
 Синий голубок свисал на нитке,

²⁶⁸ Бодня – предмет домашней утвари, представляла собой деревянную емкость для хранения одежды и мелких предметов домашнего обихода.

Украшая красный угол дома.
 Хвост и перья из лучины,
 Туловище из соломы.
 Дух святой с традицией едины.
 Христианский голубь – символ веры –
 Крылья из щепы расправил веером.

Василиса пёрышками белой лебеди

В честь прощального обеда
Вымела избу, развесив полотенца
С кружевами, блёстками и лентами.
Печь дышала жаром.
Над шестком была труба из жести,
Как протопят печь, её снимали,
Закрывали в потолке отверстие,
К деревянным трубам, отводящим дым,
Окрестясь с намереньем благим.

В русском двоеверии издревле
Печь стояла на опечке²⁶⁹ задушевном,
Освящённой святостью в язычестве.
Так сильно её величество,
Что чужой, кто сиживал на ней,
Для семьи родным считался.
Распевая избранные псалмы²⁷⁰,
Мог хлебать горячих щей,
Или каши из горшка или горшницы,
Заеда луком и горчицей.

Девять странников горели мщением.
Перечислим имена, что помнить.
Вождь племен прекрасная Елена,
Зоркий Сокол, Сильный Гром,
Белый Барс, Холодная Роса, Арама,
Глаз Пантеры, Острый Коготь,
Самый юный – Крик Агами.
Василиса и Анфим – семейная диалогия.
Им вращать корнями на земле,
Жизнь тянуть уздой в одном седле...

Оправляясь к воеводе на поклон,
Сели в сани русские дорожные,

²⁶⁹ Опечек – представлял собой сруб в три - четыре венца из круглых бревен или плах.

²⁷⁰ Псалмы – гимны религиозно-лирического содержания.

Шкурами медвежьими обитый трон,
Красна девица Елена и Алёша.
Лошадь белая татарская
Повезла к острогу по лесам
Юных витязей Пикарты²⁷¹.
Волки гнались по следам,
Словно Валаамова ослица²⁷²
Их стегала в спину вицей²⁷³.

“Милый друг, коль скоро расставанье!
Поцелуй меня покрепче в губы,
Чтоб мороз на величанье
Снегом нам засыпал шубы”.
От румянца, выглядев моложе,
Девушка, блеснув глазами, засмеялась.
В голосе тоска печали.
Посмотрел Алёша, тронул вожжи.
“Нет, любимая, я вас не брошу”.
“Как же мать твоя, седую стала!

²⁷¹ Пикарты (назв. от Пикардии, очага еретических движений в средние века), левое течение таборитов в Чехии 1-й пол. 15 в. (название дано католическими силами). Руководители — М. Гуска, В. Коранда и др. Развивали идеи хилиазма, установили уравнилельное распределение в Таборе.

²⁷² Валаамова ослица – в Библии неожиданно заговорившая ослица прорицателя Валаама. Основной рассказ излагается в книге Чисел (22-24). Валак, царь Моава, пригласил Валаама, чтобы тот с помощью магических ритуалов проклял израильтян, прибывших в его земли после Исхода из Египта. Бог является Валааму и запрещает ему проклятия. Однако Валак предлагает еще более выгодные условия, и Валаам пускается в путь. По пути его ослица видит невидимого для людей ангела Яхве и обретает дар речи.

²⁷³ Вица – хворостинка, прут, розга, хлыст, длинная ветка, лоза

Сына ждет, молитвами живёт!
 Сжался над её кручиной, сострада!"
 "Я письмо отправил из Охотска,
 Дабы весточкой утешилась родная,
 Что живой, безмерно будет рада".
 "Коли так приветствую, Палладу²⁷⁴!
 Путь в сугробах факелом укажет".
 Сверх копыт звенели колокольчики,
 Сани повернули вниз к овражку,
 Там в кустах засели волки.

Чёрная волчица с переярками²⁷⁵

²⁷⁴ Афина(Паллада), в греческой мифологии богиня войны и победы, а также мудрости, знаний, искусств и ремесел.

Слушали, как снег скрипит.
 Волк матёрый с агрессивной яростью
 Начал заунывно выть.
 Вздывив спину, возбуждённый,
 С высокоподнятой головой
 Выскочил, затеял гонку,
 Не страшился пули роковой.
 Бил Алёша лошадь плетью,
 Волосы ему развеял ветер.

Волк сравнялся, прыгнул в сани.
 Людоед предстал гигантом
 В серой шерсти с голубым отливом
 Бросился к Елене живо,
 Скаля острыми клыками.
 Но Алёша, сберегая от пагубы,
 Пасть его схватил руками,
 С ним упал на снег, как в мясорубку.
 Конь испуганный понёс на косогор
 Во весь дух, во весь опор.

Девушка, схватив поводья,
 Сразу не смогла с лошадкой сладить.
 На замёршем мелководье
 Повернула сани в путь обратный.
 А Алёша, с волком состязаясь,
 Унимал звериный голос,
 Он боролся, пальцами стараясь,
 Сжать сильнее горло волку.
 Бил вожак когтями в спину,
 От ударов лап подтеки синие.

Умер волк, хвост поджимая.
 У Алёши кровь спеклась в руках.
 Оглянулся: в круг сходилась стая.
 Ослепил зверей свирепый страх,

²⁷⁵ Переярки – в волчьей семье особи прошлогодних пометов.

На волчат напала вдруг икота
От губительной охоты.
Близилась развязка – кто кого?
Человеку без ружья печально.
Хватит лишь движенья одного,
Чтоб на части растерзали.

Подходил волчище странный,
Ростом был волчицы выше,
С гордой боевой осанкой.
На молитву времечко излишне.
Этот бес пронзит клыками острыми,
Пополам сломает кости.
Ожидал Алёша, не сгибая ног,
Глянул он в зрачки наивные,
В них горел задорный огонёк.
Голову прожгла догадка дивная:

“Это ты, Туземка?! Мой дружок!”
Одичавший пёс остановился,
Наклоня уши, слушал голосок,
Словно пробовал на язычок.
Память возвращается с усилием.
Доброта не забывается,
Если на дороге с горем повстречается.
Подбежал Туземка, лая от сердечности,
Лапы положил товарищу на плечи.
Облизал его от радости и встречи.

“Как же ты, приятель, в стае оказался?
Неприветлив, чужд хозяйский двор,
Лучше бы в острог подался от опалы,
Там гуляющим псам приволье и простор”.
У волчицы выгнулся клочком загривок.
Взвыла заунывно и тоскливо,
Вслед волчата заскулили, завизжали,
Точно что-то понимали.
Завилял Туземка, словно виноватый,

Неприкаянный побрёл обратно.

Звал его Алёша ласковой Фелицы²⁷⁶.
Стая по снегам бежала в лес
По следам воинственной волчицы.
Гоготал с небес Велес²⁷⁷.
Хмуриться погоде неудобно,
Смех, как гром, ударил дробью.
Зимняя гроза веленье свыше,
Сеет опасение людишкам.
Тишина в заснеженных увалах
Всколыхнулась эхом в скалах.

Звон бубенчиков задорным пением.
Сани, конь и верная Елена,
Чужеземная ацтекская царица,
Разрядили поприще арены.
Дивный сон, всевидящее око
Разнесли в леса сороки.
Девушка, откинув капюшон, без слов
Ожерелье сняв из беличьих хвостов,
Повязала им пораненные руки,
Согревая сердцем венные излучки.

Встрепенулась с лёгкостью голубка,
Жизнь – веретено с зарубками.
“Милый мой спаситель, как я рада,
Ты живой стоишь передо мной!
Выдержав звериную осаду
Неприкрытой гордой головой.

²⁷⁶ Фелица – в римской мифологии богиня успеха и счастья.

²⁷⁷ Велес – «скотий бог» в славяно-русской мифологии, покровитель домашних животных и бог богатства.

Я была готова разрыдаться,
Чуть не да упаду лошадь загнала.
Мне дороже серебра и злата
Брови чёрные с орлиного крыла.

Нет на свете солнечнее счастья
Кинуть взор в озёрные глаза.
Видно ангела святые власы
Принесла доверчиво харза,
Разметав разлуку на дорожках.
В нашей жизни рядышком идут
Беды неприкрытые рогожей,
Ножки вьют сплетеньем пут.
Честна воля – горюшка сильней,
А желанья светлые добрей”.

Пояском вишнёвым с золотом
Затянув шушун²⁷⁸ покрепче,
Красной лентой, обвивая волосы,
В озаренье верности адепту²⁷⁹
Дрогнула Елена, разума стыдясь,
Головой прижалась к молодцу,
Слёзы капали из глаз, как вязь,
Застывая на жестоком холоде.
Вспомнила о детстве с нежностью,
На лице пылал румянец свежий.

Беличьи меха в Алёшиных ладонях.
В них тепло девичьей красоты.
Отчего застыл он в сладостной агонии?

²⁷⁸ Шушун – старинная русская женская распашная одежда. Тип кофты или короткополой шубки, с перехватом в талии, из домотканого сукна или холста.

²⁷⁹ Адепт, 1) посвященный в тайны какого-либо учения, секты.
2) Ревностный приверженец какого-либо учения, идеи.

До саней не в силушку дойти.
Конь игриво бьёт копытами.
А за ельником синееет вечерок.
Даль таёжная скрывает скиты.
Лишь дымок приносит ветерок
Может быть с тунгусских чумов
Воздух оживляется неясным шумом...

Замела пурга луга и пашни.
Смолк Илим на ледяных заплотах.
В главной Спасской башне
Над проезжими воротами
Оберег пред входом в крепость,
Спас Нерукотворный светит.
В маленькой часовне Богоматери,
Что хранила город от врага
Чудотворную икону²⁸⁰ градооснователи
На алтарь воздвигли на века.

В храме под надёжной стражей
Славная хоругвь посланцев Ермака.
Вздыбились сторожевые башни,
Храм Спасителя крестит рука.
На торговой площади служилые,
С Братского острожка, затевают спор²⁸¹.
Ждут купчишку Баскина Василия²⁸²,

²⁸⁰ Икона Знамения Божьей Матери из Устюга.

²⁸¹ За Илимском сохранилось право контроля над деятельностью братской приказной избы и право использовать только тех братских служилых людей, которые не были заняты на месте.

²⁸² Одной из самых инициативных, предприимчивых и талантливых династий в дореволюционной Сибири была династия купцов Басниных. Родоначальником клана был Максим Баснин, уроженец Устюга Великого. Он поселился в Илимском остроге в начале XVIII века и занялся торговлей на южных окраинах Восточной Сибири. Его дело продолжили сыновья Петр и Тимофей (1716-1797). Последний в 1789 году

Молодого отпрыска, что ладит торг.
Тимофей, его отец, на барках
Плавал до Якутска, был на ярмарках,

На китайские товары мех менял.

переселился в Иркутск. У Тимофея Максимовича было шестеро детей, в том числе пятеро от первой жены - Василий, Николай, Дмитрий, Петр, Дарья - и дочь от второго брака с Ириной Яковлевной - Ирина.

Старший сын Тимофея Максимовича Василий (1757-1804) был женат на Авдотье Дмитриевне

Для охраны караванов приглашал
Удальцов к содействию и в помощь.
К ним пристал Алёша.
В Нижний Новгород стезя гонимая.
По степям гнездится враг осиный,
Да башкиры грабят, черепки летят
С басурманским криком в ад.
Времечко приспело беспокойное.
Тропки вяжут вязовой иглой разбойники.

Человек пятнадцать из крестьян
Привезли овёс, ярицу на подводах.
Местные татары в складчатых кафтанах
Лошадей, овец пригнали к городу.
Кружится снежок, летит на малахаи,
На нагольные тулупы, серебрятся бороды.
Казакам кричит Иван Михайлов:
“Полно катанки²⁸³ топтать!
Питухи, озорники на братчину!
Бью батогом в рёбра всем подряд,

Кто откажется идти в кабак!
Не дождёмся мы сынка Тимохи”, –
К выпивке зовёт ярыжка²⁸⁴, сняв колпак.
Сеются словечки просом и горохом,
Изречения не святым писанием,
А житейской бранной мудростью.
Волосы Ивана чёрнокудрые,
Плещется в глазах огонь негодования.
На плечах тулуп овчинный,
Рукава кафтана длинные.

На Алёшу глянул исподлобья:
“Что за кологривый конь²⁸⁵?

²⁸³ Катанки – валенки.

²⁸⁴ Ярыжка – пьяница.

²⁸⁵ Конь с большой, развалистой на обе стороны шеи гривой.

Видно подавился дробью,
Схвачен смолоду в полон,
Рот открыть, сказать не может! –
Засмеялся весело Иван,
Нож кривой, вставляя в ножны, –
Отчего надел лузан²⁸⁶,
Как монах, упавший с колокольни!
Или ты немой раскольник?”

“Друг учтивый, не церковной крысой
Я пришел с молитвами в острог.
Позабавиться кулачным свистом,
Да упрямого согнуть в бараний рог”, –
Отвечал ему Алёша беззаботно,
Скинув с плеч накидку из холста,
Не куражась богатырской плотью,
Руки окрестил у живота.
Голубые очи засверкали молнией,
Зря служилый, ты обидел молодца!

Слово чёрное неосторожное.
Вперекор прольётся кровушка.
Удаль русская обиды множит,
Перемаслит гордую головушку.
Вслед Иван тулупчик в снег бросает,
Петухом к Алёше налетает.
Бой кулачный по морозцу
Удовольствие бодрее пьянки!
За угрозы синяки-занозы,
На потеху выйдет перебранка.

Казаки довольные,

²⁸⁶ Лузан – наплечная одежда промысловиков-охотников, которая предохраняла от засыпания снега за ворот. Лузан надевался через голову, спускался до пояса и при помощи ремня, продетого в оторочку нижнего края, затягивался «под брюхо».

Радуюсь палящему уголью²⁸⁷,
Разошлись на круг широкий,
Любопытство проявляя,
Раскричались, как сороки,
Знаменем осеняя.
За Ивана, им любезного,
Бросятся живыми в бездну.
В поединке выбор победителя,
Быть таким почётно, соблазнительно.

Размахнулся силушкой Иван
До лица Алёши кулаком ядрёным,
Только тот удар, как ураган,
В воздухе скользнул Мамоной²⁸⁸.
Крутанулся зря под смех толпы,
Сбил его моряк на снег подножий,
Как сливают дрожжи,
Чтобы хмель не кисла в браге,
Не мутила разума ватаге
Пивом вареном в корчаге²⁸⁹.

Охладился вмиг горячий пыл,
Будто тлеющий фитиль.
Нелегко поверженным встать,
Ощущая тяжести печать.
Казаки к Алёше подступили:
“Смочь, не терпится в могилу?!”
“Эй, дружище, не робей, –
Отозвался от земли Иван, –
Я не каторжный злодей.
Клювом бьёт со зла баклан.

²⁸⁷ Уголье – угли, горючее вещество из пережженной древесины
²⁸⁸ Мамона – злой дух, идол, олицетворяющий корысть и стяжательство, в христианских церковных текстах

²⁸⁹ Корчага – большой глиняный горшок или чугунок, развалистее горшка

Дай-ка, руку, коли сшиб меня
Стань приятелем в трактире,
Выпьем чарочку вина,
Разойдёмся в обоюдном мире”.
“Так и быть иду с тобой.
Вежливым был повод,
Не похож на шалость и разбой
Или хитроумную уловку.
С радостью дойду до кабака,
Ноги сами пляшут трепака!”

Целовальник подносил вино,
Наливая с мерной медной кружки.
Бычьим пузырем завешено окно.
В сальных свечах истомились души.
Полумрачным бедствием
Пьяницы до ниточки раздетые
Падали бесчувственно на снег,
Замерзали, не найдя ночлег.
Пели песни скоморошья,
Отрясая с туловища блох.

На берёзовой домашней водке
Братчину с Алёшей и Иваном
Поддержал рыбак – пристрастный сводник,
Заговаривал дурманом
От разбойников, от порчи лошадей.
Именем Христа молясь усердно,
Причащался в церкви ворожей,
Бесов, привлекая в помощь вере.
Дружбу с дьяволом не отвергал,
Делу доброму на соль шептал.

Звали рыбака по имени и отчеству,
В пояс кланялись без шапки перед ним
Дворянин, купец за силу лестную
И крестьянин звал на дым.
Обогреться от мороза стылого,

Спрятаться на время от узилища²⁹⁰.
Волх Всеведович был страшен,
Шрамы на лице медвежья метка.
Взглянешь без лорнета,
По затылку бегают мурашки.

Сколько же убогих видело кружало²⁹¹
Перехожих калик²⁹² и бродяг безносых
Не прикрытых покрывалом,
Вставших, словно из погоста.
Ко всему привыкшие, к уродству
Пировали дотемна Иван с Алёшей.
К ним подсел монах угодник.
Пьяница, а не святоша.
“Слышал я, дорожка ваша зимняя,
Дальняя, давай обнимемся!”

Ты, Ивашка, не жалей винишка.
А не то приспееет крышка!
Не уважишь для отмастки,
Не спасешься от напасти”.
“Больно прыткий, что вороной каркаешь!
Прочь, чернец, запахнет жареным.
Чёрту свой клобук надень,
На рога накинь кистень”.
Отвязался инок, проклиная вслух:
“Я нечистой силе не пастух!”

“Отчего Василий не явился?
В голове его опилки!
Нас, как пыль, сметает веником,
Точно мы послушные эвенки!” –
С горечью сказал Иван,

²⁹⁰ Узилище – тюрьма, острог.

²⁹¹ Кружало – питейное заведение, кабак.

²⁹² Калика – бродячие, обычно слепые, певцы.

Не хотел признать обиду и обман...
В это время воевода принимал гостей.
Тимофея Баскина, Елену.
Сам купец прегордый скарабей²⁹³
Ел горячие вареники.

За столом сидели всей семьей.
Александра и Кирилл Прокопович.
Городской глава жевал сукрой²⁹⁴,
Мучили сердечно хлопоты.
“Нас Чичерин²⁹⁵ призывает,
Не поддаться бунту.
Оренбург запылен шкварками.
Жгут помещиков посланцы куньи²⁹⁶!”
О восстании доставили с оказией,
Не письмо – тлетворный миазм²⁹⁷.

В праздничный Михайлов день²⁹⁸
Няня ставила на блюдах студень.
Пироги румяные и жбень²⁹⁹.
А горячее стояло в судах.
Отслужили в городке молебны,

²⁹³ Скарабей – самый сильный жук

²⁹⁴ Сукрой – кусок хлеба

²⁹⁵ Чичерин Денис Иванович (1720–1785), ген.-поручик, губернатор Сиб. (1763–80), один из активных рук. подавления пугачевского восстания в Сибири и на терр. Исетской провинции. Воен. службу начал сержантом в лейб-гвардии Семеновском полку, откуда был уволен в отставку Петром III (1762). Принял активное участие в восшествии на рос. престол Екатерины II, в благодарность за что был назначен имп. губернатором Сибири.

²⁹⁶ Кунья, акула

²⁹⁷ Миазм – ядовитое испарение или продукт гниения, вызывающие заразные болезни

²⁹⁸ Михайлов день, 21 ноября

²⁹⁹ Жбень – толстая ржаная лепёшка на простокваше

Загулял народ в остроге.
Как поверить в эту небыль!
В душу вляпалась остройгой.
Ах, Екатерина, алчная царица,
Муж покойник бьёт десницей³⁰⁰!

Манифест правительства о самозванце³⁰¹,
Увещал заблудших отступиться.
Губернатор Рейнсдорп³⁰² не стал Атлантом,
Опоздал с отпором и защитой.
Пугачёва выставив побитого кнутом,

³⁰⁰ Десница – правая рука

³⁰¹ от 15 октября 1773 года.

³⁰² Рейнсдорп Иван Андреевич (1730 – 3.02.1781, г. Оренбург), ген.-поручик, оренбургский губернатор. Датский дворянин, на рус. службу вступил юнкером в 1746. Участник неск. войн, в т. ч. 7-летней (1756–63), во время к-рой был трижды ранен, окончил ее в звании ген.-майора. 29 сент. 1768 состоялось назначение Р. Оренбургским губернатором. Осенью 1773 во время пугачевского восстания (см. Пугачевщина на Южном Урале) руководил правительств. войсками Оренбургского края вплоть до прибытия главнокоманд. А. И. Бибикова. В окт. 1773 в связи с «бунтом» отправил воеводе Исетской провинции А. П. Веревкину донесение с перечнем необходимых мер (мобилизация «временных казаков», успокоение инородцев и др.). Возглавил оборону Оренбурга, выдержавшего 6-месячную осаду войском Е. И. Пугачева, за что был награжден орд. Александра Невского. В 1774–76 содействовал освобождению терр. губ. от крест. отрядов, состоявших из участников пугачевского восстания.

На лице печатями отмеченном,
Не унял смятение и содом³⁰³.
Лишь усилил славу воровского кречета.
Делал сам себе во вред,
А порой не мысля, бред.

Отпустил с тюрьмы Хлопушу³⁰⁴.
Всколыхнулся слух в Сибири.

³⁰³ Содом – беспорядок, шум, суматоха

³⁰⁴ Хлопуша (Соколов) Афанасий Тимофеевич (1714-74), сподвижник Е. И. Пугачева, беглый каторжник. Посланный оренбургским губернатором в лагерь восставших с заданием пленить Пугачева, перешел на сторону Пугачева. Возглавил отряды заводских крестьян, организовал отливку пушек на заводах. Казнен в Оренбурге.

Прогремят сторожевые пушки,
На полянах вспыхнут скирды!
Вспомнил воевода Чернышева³⁰⁵,
Про дела в поповской шайке.
Сколько раз бежал, срывал оковы,
С канцелярией играя в свайку³⁰⁶.
Нет, не зря народ уверил в сказку.
Не прокатишь правду на салазках!

Тройки с колокольчиками
Мимо верстовых столбов несутся,
По мостам, околицам,
По тайге Якутии.
Слово устное быстрее бумажного.
Не возьмет местечка для поклажи.
Как торосами ломает реки,
Так молва сомнёт осеки³⁰⁷.
Много душ забитых и униженных
Ждут, когда увязнет в жиже

Власть имперская державная.
В каторжном краю довольно искры,
Чтоб стянуть господ удавкой
Без фанфарных казуистик.

³⁰⁵ Петр Чернышев, солдат Брянского пехотного полка в декабре 1765 в слободке Купянка на Украине выдал себя за изгнанного императора Петра Федоровича. По указу от 3 января 1766 года самозванца высекли кнутом и сослали в Нерчинск. Бежал с каторги сразу после прибытия в Нерчинск. Был пойман. На заводе объявлял себя императором. Тунгусские князьки и жители слали ему подарки. 4 ноября 1770 года пришел указ из Петербурга, наказать Чернышева плетью, заклеить клеймами “ВОР” и сослать в Мангазею. По дороге самозванец тяжело заболел и умер в Енисейске 18 февраля.

³⁰⁶ Свайка – русская народная игра, метание острого стержня в кольцо, лежащее на земле.

³⁰⁷ Осека – огражденное изгородью место.

Помянул Преображенский полк,
Верных императору солдат.
На призывы дружный голос:
“За Петра умрём, виват!”
Для копыт и кони на довесок
Не хотели Ангальтской принцессы.

Тень Петра появится не раз.
Сколько в Петербурге не старались
Для крестьян бродячий богомаз³⁰⁸
Рисовал царя воскресшего в печали...
Поднося купцу на блюде чарку,
Александра поклонилась гостю,
Принимая на подарок ларец,
“Угощайтесь, милости вас просим!”
После чарочки черемуховой водочки
Баскин улыбнулся воеводе:

“Хороша твоя заступница!
Сердцу храброму полюбится!
Боевая девица не хрупкая,
Гордая и вольная голубка!”
“Вся в меня характером,
Красота от матери.
Ум с достойного оракула³⁰⁹
Крепче и надежней матицы³¹⁰.”
Александра запылала щёчками,
Мрак развеяла полночный.

“Папенька, захвалите.
Замуж выйду, плакать станете
В одиночестве развалин.
Ведь жених мой как туканчик³¹¹

³⁰⁸ Богомаз – иконописец.

³⁰⁹ Оракул – жрец-прорицатель у древних народов

³¹⁰ Матица – потолочная балка

³¹¹ Туканчик – птица отряда дятлообразные

Унесёт меня подальше,
Может в город Петербург.
Всё равно люблю тебя без фальши.
Ты мой добрый балагур”.
Дочь прижалась к воеводе,
Слёзы, вытирая с кротостью.

“Да в такую непогоду
Отсидеться лучше дома.
Всех разбойников под лёд и в воду.
Поразит их божьим громом! –
Покрестился Баскин на иконы, –
В Нижний Новгород идти опасно.
По степи неверных не отгонишь.
Там башкиры накаляют страсти.
Вам, Елена лучше подождать
До весны земную благодать.

Как распустятся листочки,
Травы и цветы в лугах,
Бунт сойдёт на лоскуточки.
Разве пахаря удержишь на ветрах.
До земли сердце тянется,
Бросит он ружьё поганое.
В деревеньки напрямик отправится,
Вслед за птицами на здравие.
Вот тогда и вам, красавица,
В путь лететь журавушкой”.

Красное окошко высоко от пола.
Месяц гребнем белым
Прикоснулся, осветив Елене волосы.
Злые ветры отлетали от причелин³¹².
Громовые знаки и подковы у дверей

³¹² Причелина – висячие доски с резным орнаментом, покрывающие торцы бревен сруба и края крыши .

Охраняли сон от упырей.
Навии³¹³ в хоромы не проникнут.
Символы увенчивают крышу,
На коньке магические блики
Отражают звёздное затишье...

Вольные каменщики

Чуть дрожат в ночи огни Якутска.
Но не спит Иван Кузьмич,
Дорофей – домашний спутник –
Молится с усердием за упокой души.
Как назло две вести чёрнокрылые.
Новиков пропал бесследно,
И Чичерина письмо унылое.
На Урале разгорелся бунт под ветер.
Не утрёшь рукой свечной нагар,
Коли в лес шагнул пожар.

“Надо звать шамана Тунукая,
Отвратит напасти от Сибири, –
Вымолвил священник, на икону зарясь, –
Заклинания пудовой гирей
Остановят дьявольскую силу
И утащат зло в могилу”.

³¹³ Навии – это невидимые души мертвецов, но не своих предков, не родные дружественные деды, обычно покровительствующие своим внукам и правнукам, а чужие, иноплеменные мертвецы, души врагов и недоброжелателей, души людей, которых за что-то покарала сила природы (души утопленников, съеденных волками, "с дерева падших", убитых молнией, сгоревших в лесном пожаре и т.д.). Они вампиры (упыри), чрезвычайно опасные для людей, они нападают на беременных женщин и детей и сосут их кровь.

Православный поп шайтану верил.
Утром с воеводой сели в сани,
Лихо понеслись вдоль берега,
Чтобы заказать эвенку танец.

На поляне между сосен
Сбит помост из брёвен.
Идолы отгёсанные остро,
Как забор стояли в два ряда.
Головы, рога оленье
Свешивались с веток и с корней.
Мёртвый ворон по ветру качался,
Птицей гнусною считался,
Сообщал он стаи волчьей,
Где живут эвенки неумолчно.

В стойбище два чума.
Встретил Тунукай гостей неожиданных,

Поклонился в чёрной рясе куму,
Распахнул с завязками кафтан,
Словно сердце, предлагая с радостью.
“В праздник, жарим глухаря,
Подстрелил мой сын вчера.
Ерник принесли, очаг пылает сладко!
Дочь печет в золе лепешки,
Греет козым мехом ножки.

Заходи араки³¹⁴ дам.
Чай с оленьим молоком.
Дедушку увидишь там.
Отпевать собрался вечерком”.
Воевода, поп довольные ответом,
Заглянули с удивленьем внутрь.
Где ж покойник? Кости от медведя
По углам лежали грудой.
По эвенскому поверью
На лабазе в шкуре хоронили зверя,

Точно родственника человека.
Прежде чем убить медведя
У него прощения просили на засеке.
Пир, обряд в сказаниях разведен.
Божество верховное Айыы,
Дух ручья, реки, горы,
Охранял вселенную из трех миров.
Край Ордо-Дойду³¹⁵ живых людей,
Им природа согревает кровь
От опасности и лакомства страстей.

Подошли с другого чума,
Оргузей с женой Анницей,
Полог, отворив бесшумно,
Улыбались важным лицам.

³¹⁴ Арака – водка из коровьего молока.

³¹⁵ Ордо-Дойду – средний мир

“Хорошо, однако, русский князь!
Ты из крепости быстрее, чем карась
По реке приплыл на санях.
Нам в подарок вместо брани.
Больно бьёт от ссор ружьё в плечо.
А от дружбы сердцу горячо.

Сыновья ушли в тайгу на голицах³¹⁶
Промышлять песцов и белку бить.
Как луна засветит полная
Дух охоты покровитель
Разрешит домой вернуться
К старикам беззубым поживей”, –
Улыбнувшись Оргузей,
Словно был олень опутанный,
Показал, как ловят диких,
Заячьим подражая крикам.

Гости сели за очаг к еде обильной.
Женщины подали им чумашки³¹⁷.
Старики табак курили.
Воеводу ни о чем не спрашивали,
Лишь кивали головами.
Жёны сыновей играли на варганах,
С высушенных птичьих горлышек.
Жареную медвежатину хвалили хором.
“Тунукай, надень костюм шамана.
Надо вызвать духов с океана.

Пусть узнают, жив ли русский,
Мой чиновник потерялся”, –
Горячился голосом Иван Кузьмич.
Дорофей с ним соглашался.
“Кум, родной не подведи,
Спящих духов разбуди”.

³¹⁶ Голицы – деревянные лыжи не обклеенные мехом

³¹⁷ Чумашки – мелкие чашки

Сам тянулся за кололей³¹⁸ ложкой,
Яйца не забыв печёные,
Ел с восторгом их с лепёшкой
И икру, и яйца из ладони.

“Заблудился, – слышал я, –
Шарил он царицу по болотам”.
“Тьфу! Какая там царица!
Самозванка! Не идёт к воротам,
А бежит в леса дичиться,
В русской церкви не божится.
Может быть, и нет такой.
Просто слух нарушил нам покой.
Зря ассессора сгубил,
Словно адов крокодил.

Искупи мою вину.
И ещё бродягам дай заслон.
Борозда нужна не всякому зерну.
Ты надёжный старый конь.
Я к сохе лошадку поправляю.
Бороной повсюду поспеваю”.
Слушал Тунукай, хитрил,
Трубкой медленно чадил.
“Как разбойников мне выгнать?
Волки тоже затевают игры,

Рвут оленям жилы
Без духовной православной силы.
Петербург на каторгу ссылает,
Разве воевода это отрицает?”
“Тьфу, заладил, чеснока объелся!

³¹⁸ Кололи – вяленая икра. Рыбью икру освобождают от пленок, тонким слоем раскладывают на чистую дощечку или листы, ставят в продуваемое солнечное место. Досушивают над огнем в чуме. Употребляют в зимнее время

Наливай араки в чашку!”
Волосы у Тунукай словно стрелы.
В шитолицей³¹⁹ коже след от сажи.
Съел горячий уголь, взгляд пылает.
“Слышите, в тайге дух завывает!”

Вышел Тунукай к реке шаманской
В шапке с бахромой, ударил в бубен.
Самасик³²⁰ звенел от ярости камлания.
Идолы тряслись, оскалив зубья.
Пел захлеб, танцуя с верой:
“Я иду, эй, эрэ, эрэ, эрэ,
Дух-арингка, ты пришел, эй, эрэ!
Человека из дневного мира
В мир дневной веду на пир.
Собери в котел! Кыр-рир-кыририр!

*Не отдам я сына Божества!
Ие-ие-ие, где идёшь, шаман?
Собери все вещи, старая сова,
Спрячь под лавкою в чулан”.
Воевода, ухмыляясь, ус крутил,
Дорофей поклоны лешим бил.*

³¹⁹ У эвенков была татуировка лица, под кожей протягивались вымазанные в саже нитки, поэтому эвенков называли “шитолицыми”

³²⁰ Самасик – кафтан шамана с бахромой и металлическими нашивками, колокольчиками

Дочка Тунукая у берёзоньки стояла.
Молодая, опалённой зорькой алой.
Ей бы жениха сосватали.

Казака товарища из жалости.

Но Иван Кузьмич был пьян.
Поп упал, за сук крестом завязнул.
Еле уложили в сани.
Кони повезли, дорогу знают...
На замёрзшей хляби появились тропы.
За дровами в лес ходили,
Там хранили сено в копнах
Беглецы из Польши³²¹, старожилы.
К ним попали Новиков и Киприан.
Отлежались и поправились от ран.

Повезло, что не замёрзли.
Барин, как пришел в себя,
Был для вида борзым,
Подводила только худоба.
“Знаете ли вы, что я на службе?
За услугу и надёжность награжу.
Хоть я утопил во льду оружие,
Что вы за народец погляжу.

³²¹ В Польше они жили лет сто, и не осталось ни малейшего воспоминанья об их приходе из северных губерний, Архангельской и Вологодской. После первого раздела Польши, когда часть польских провинций присоединена к России, старообрядцы снова очутились под русским правительством.

Екатерина II обратила свое внимание на них. Видя в них дух религиозной оппозиции, на которой может быть основана оппозиция политическая, она, не терпя ни каких сект, решила старообрядцев выселить оттуда, где они казались ей небезопасными, и отправить в Сибирь для заселения и оживления крайних восточных пустынь.

Это была первая партия переселенцев, явившихся в Сибирь большою массой, целыми семьями, с полным хозяйством, тогда как прежде селились вольные промышленные люди, солдаты и казаки, беглые барские люди, большею частью бессемейные. Вот и назвались эти переселенцы семейскими

Зорко охраняйте Киприана,
Он преступник окаянный”.

Деревенька с вольным духом
Мир обрядный берегла от мук.
Ели шаньги, солодыху.
В белый квас крошили лук,
Да двуперстием крестились.
Песни старые хранили,
Призывая всех к рыданию
К милому творцу создателю,
Чтоб унял источник слёз
Без ударов гибких лоз.

Избы крепкие сосновые.
Люди дюжие и сильные.
Женщины красивые
Стройные здоровые.
Летом вскапывали огороды,
Овощи кормили год.
С топором, сохой землю поднимая,
С верою, страдая за раскол,
Странники в таёжной глухомани
Сеяли пшеницу в поле.

Целину сибирскую обхаживали,
Обиходив дикие места.
Слышно было за сто сажен,
Как поклоны били за Христа.
Правоверные терпели православных.
Новикова-барина зельем поили
Измаден травой³²², чтоб не лукавил,
Не стремился попусту к Илимю.
Киприан мятежный был по нраву
За характер злой неудержимый.

Но надзор был строгий.
Старцы глаз с упряма не спускали.
Дабы ненароком не сбежал
На ночь скручивали руки, ноги.
По отдельным избам поселили.
Барина к наставнику Кириллу,
Киприана к староверцу Харитону.
Запрещая им общаться
И трехперстием молиться на иконы
В скверном чужеземном платье.

Как следить за мыслями чужими?
Паспортов у пришлых нет.
Стало быть, в глуши непроходимой
Стряпать некому на них извет.
Новиков был сильно обморожен,
Из избы на улицу не выходил,
Рубцевалась розовая кожа,
Набирался понемногу сил.
Киприан напротив изъевлял активность,
Для себя использовал наивность,

Каменщиков, не таился.
“Вот вы прячетесь в лесах.
Мёртвой хваткой в прошлое вцепились.
Поселились в дебрях на ключах.
Хороша же на болотах воля!
Деревенька людям в пользу.
Не накажет бог за старину,
За обычаи, обряды.
Рад и я стараться,
Заповедовал бы тишину.

Жил охотником, не знал бы бед.
Сеял бы на горях хлеб
И не ведал бы дурных последствий
От чиновников враждебных.
Только, братцы, разве это жизнь?

³²² От поноса и простуды

Церкви нет, и не кому крестить
 Малышей, рождённых в избах,
 Отпевать и мертвых хоронить.
 Вам бы я привел попа,
 Он не требует за службу пай.

Лишь бы с бороды вино – рекой”.
 Но раскольники крутили головой:
 “Нет, избавь, Господь, от беса.
 Нам не нужен пьяница божественный.
 Милый человече, кто таков?
 Каторжный, отколь сбежал с оков?”
 Ухмыляясь, не стерпел казак,
 Рассказал, как очутился здесь
 Полицейскою ищейкой без собак
 Из Якутских неуютных мест”.

Басом отозвался Харитонушка:
 “Раб, ты, грешный беззаконный,
 Шёл на запад в место адово,
 Как десятирожный зверь безрадостный
 Пожелал схватить дитя невинное!
 Зря тебя из ямы волчьей вынули
 На несчастья общины.
 Сердце твоё тлеет в середине
 От огня палящего и от червей сыпучих,
 От смолы кипучей”.

За ухват схватился старец.
 Киприана сдвинул, как горшок.
 Силой молодецки гаркнул,
 Преподал бы бестии урок.
 Да другие удержали от расправы.
 Лавки вдоль стены поставлены.
 Вымыт пол хозяйкой кроткой.
 Красный угол озарён иконами.
 Медный крест в киоте.
 А под ним подручники земных поклонов.

Отрица быт никонианский,
 Собирались на вечорки.

Пели песни с величанием
О кресте возвышенном в страданиях.
Бражничество вслух высмеивали,
Хмель головушек весёлых,
Праздно-светские затей
Староверы с крепкой волей.
Бороды тряслись лопатами
У наставников собратьев.

Печь раскрашена узорами
Разноцветными и петухами.
Через сени нагревали горницу.
На окошках вазочки с цветами.
Мужики в косоворотках домотканых
С пояском и вышитых крестом.
Древнюю одежду сохраняли.
Диалектным разговаривали языком.
Киприана осудили за насилие,
Укоряя, говорили:

“Вишь какой ты грех чинить хотел?
На мучение великое
Громом с неба прогремел,
Словно тать³²³ с ножом возник”.
А казак оправдывался
От кричащей на весь дом оравы:
“Братцы, я не жажду злобы.
Пострадал на дыбе за донос.
За покорность к царственной особе
Вы готовы бросить на мороз”.

Приумолкли старцы.
“Сказывай нам толком
Без дымка чадающего, угара,
Вроде ты не балаболка.
Почему тебя стегал палач,

³²³ Тать – разбойник, вор

Словно праздничный калач?”
“Вот те крест!” – склоняя голову,
Киприан взывал к таинству.
“Сгинь, антихрист! Взмахом молишься?
То печать в руках твоих звериная!”

Растерялся, приуныл казак.
Что не скажет, всё выходит боком.
Но набрался духа, заострился, как тесак.
Глянул взглядом синеоким.
Кудри слиплись с бородой.
Распрямил свой стан высокий.
Словно коршун молодой
Налетел на старцев грозно:
“Что же вы пытаете меня,
Не нальёте чарочку вина?

Чаете, что тайна даром?
Коли рты от дьявола закрыли,
Мне дозвольте выпить для азарта,
Освежить мозги и рыльце!
Знаете ли, хоть кого мы ищем?
Ни сиротку, ни монашку,
Дочь императрицы без промашки,
Чтоб её забили кнутовищем.
Я погонщиков вожу по кругу
Торможу на волочуге³²⁴.

Мне не верите, спросите барина.
Дочь Екатерины здесь скрывается”.
Знамение, истина и вера.
Крест святой, рукой изображая,
Вышли старцы к офицеру.
Через двор по тропочке шагая
Напрямик к избе Кирилла.
Новиков на печке грелся,

³²⁴ Волочуга – две палки, на которых везется воз по земле

Вниз с полатей спрыгнуть заленился.
Почивал, лосятины наелся.

А Кириллушка открыл Часовник³²⁵,
Чтобы встретить с миром братию,
Выслушал рассказ дословный
С превеликой радостью.
Женушка Велина спела песню,
Промелькнула в красочной рубаше,
Рукавом, всплеснув от страха.
Бусы на груди – янтарь полесский,
Кичка³²⁶ в серебре и золоте
Украшали туго связанные волосы.

Старец, изумляясь изуверству,
Вдруг нечистых вспомнил:
“Видел я в медвежьей шерсти
Дочь царицы, скрытную паломницу,
Проклятую матерью
За пятнадцать гиблых лет,
К людям, проявляла сострадание,
Охраняла от свинцовых бед,
Превращаясь временами в человека,
Колдовство её – звериный век.

Надо ли искать её зимой,
Коли спит она в развилке у дорог
До весны в берлоге ледяной.
Мужикам и бабам нет тревог.
Подними её сейчас с постели сладкой
Чёрным лютым взглядом
Съест скотину, кур, гусей,

³²⁵ Часовник – богослужебная книга

³²⁶ Кичка – шилась из стеганой материи под вид шляпы без полей, более высокой спереди и несколько понижающейся к затылку. Передняя часть юшки снизу имела неширокую полосу, вышитую бисером.

Перескачет через острие ножей
И в подполье спрячется.
Принесёт нарывы и болячки.

Разжигая жаром – пламенем.
Не спасешься за стеною каменной.
Не сбежишь за тридцать вёрст.
Ей в глаза не бросишь зелья горсть.
Но скиталицу лесную жалко.
Может быть на сеновале
Девушку с гостинцами приветить.
Кто из вас смелее всех?
С барином, не дожидаясь лета,
Согласится взять на душу грех?”

Мудрый старец замолчал.
Борода его белее снега.
Лишь сверчок в избе летал,
Первый признак близкой смерти.
Лбами стукались до пола,
Господу молились со слезами.
Бабы криками им вслед глаголя,
Пред святыми выли образами.
“Кто же дитяtko из дома выгнал!
В пальчики, вонзая иглы.

Нас из Стародубья³²⁷ под конвоем
Привели в тайгу сибирскую.
Дабы сгибли смертным боем.
Быть бы живу, не до жира.
У коровы молока выкликивали.
Косы заплетали у могилы ивам.
Детки наши умирали на чужбине.
Немка – демон зла, а не княгиня!
Доченьку за нами вслед отправила,

³²⁷ Много староверов нашло приют в Стародубье и на Ветке, принадлежавшей в XVIII веке Польше.

Чтобы от наследницы избавиться”.

Слушал Новиков их причитания.
Рад бы бить плетью, да немощен.
“Вот что выдумали, окаянные!
Исказили смысл времени.
Словно не царевна – оборотень
Нас водила тайным образом
В тень чарующих следов”.
“Ворожею не сразить без слов, –
Отвечал Кириллушка, о правде разумея, –
Есть у нас вдова Верея.

Отведу тебя к колдунье.
Пусть она укажет наговором
На воде в три фунта
Прояснит, была ли порча.
Пряники волшебнице подарим,
В баньке веником попарим”.
Согласился барин, интересно.
Иисусову творит молитву,
Вызывая бесов не телесных
На решающую битву.

Исповедуясь и причащаясь,
Как же с богом дьявол знается?
Над их суеверьем потешаясь,
Новиков для вида сокрушался.
“Разве отведет беду Верея,
Коли мужа не могла приворожить?
По напраслину твоя затея,
Но хозяина уважу так и быть”.
Кушаком тулупчик подпоясав,
Барин вышел, не сгущая красок.

Дальние отроги гор скрывали ели.
В маленькой долине было тесно.
С лесом воевали земледельцы

И с болотной ересью.
Их поля политы едким потом,
Лошадиным, человечьем.
От тяжёлой муторной работы
Лишь душа не ведала увечья.
Белый снег прибавил настроения,
Мысли окрылялись вдохновением.

Небо отражает голубые сполохи,
Словно облака трезвонят в колокол.
Дом вдовы – изба высокая.
На крылечке пёс пролаял громко
Вслед испуганной сороки.
Дверь открыла незнакомка.
Николай Сергеевич взглянул задорно.
Вышла к ним красавица неписаная.
Сарафан цветной расшит узорами,
На плечах курмушка³²⁸ плисовая.

Сверху кички светит полумесяцем
Шитый золотыми нитями кокошник
Под запоном³²⁹ спрятан крест.
А глаза – не надо пить ерошку³³⁰,
Чтоб сердечный разбудить пожар.
Ноженьки качнулись у асессора.
Вспомнил молодость и гвардию,
Как гулял он весело,
Не минуя в Петербурге бал,
Ждал награды и похвал.

Скоротечна жизнь в казарме.
Оглянёшься, уж за тридцать лет.
Годы лучшие сгорели даром.

³²⁸ Курмушка – короткая одежда в роде жакета с клиньями.

³²⁹ Запон – фартук

³³⁰ Ерошка – горькое вино, настойка, водка, настоящая травами.

Не оставили душевный след.
Эта женщина была колдунья,
К ней припал он мыслями и телом.
Погружаясь в забурунье³³¹
Вдохновенно смело.
Только голосок грудной слышал
Опьянел от чувств мальчишкой.

Позабыл, зачем сюда пришёл.
Старцы к разуму вернули.
“Ты, Верея, проводи нас в дом.
Не стоять же нам на улице,
Как скотина за двором”.
Улыбнувшись, ворожея,
Поклонилась в пояс мужикам,
Зёрнышками речь просеяв:
“Божье слово как роса к слезам!
Камень Алатырь³³² гроза ветрам!

Обметите бороды от снега,
Заходите, коли вам охота.
Побеседовать с ворчуньей пегой.
Дабы не достала вас икота,
Или во весь рот зевота.
Травки-то мои в избе развешены,
На печи лаптями машет леший”.
“Перестань пугать, насмешница.
Барин-то дрожит от страха.
Говоришь не мёд, не сахар.

Отчего встречаешь нас так яростно?
Коли чем обидели, покаяйся, —

³³¹ Забурунье — глубина за гребнем отмели, ближе к берегу.
Подводная песчаная гряда, накидываемая волненьем вдоль берега.

³³² Алатырь — камень всем камням мать, потому что на нем сидел и беседовал сам Иисус Христос

Рассердился Харитонушка на знахарку, —
Не томи, не зазнавайся!”
Ручками всплеснула гордая вдовица.
“Вам бы в пальцы спицы,
Чтобы ночью шерсть вязали
Вы порог бы зря не переступали.
Ну да ладно колобродить,
Заходите, не мутите воду”.

Вкопанные пни держали брёвна,
Сруб из лиственницы.
В избу, не спеша, шагнул чиновник,
Помолясь в душе неистово.
Чёрное пространство уходило к крыше.
Потолок отсутствовал
В прокопченной дымом хижине.
Жарко печь протоплена.
Меж хлебами выслав поленца,
Женщина с проворной расторопностью

Угли выгребла из печки.
Хлеб спекла, поставила ребром,
Чтоб обмяк и поостыл до вечера.
А тут гости постучались в дом.
Куры бегали по балкам-переводам,
Петушок пил воду с ковшика,
У порога дойная корова
Замычала, странников увидев.
До весны Верея содержала живность
И рогатый скот с учтивостью,

Не гнала их на мороз зимой.
Сыпала песочек, мыла.
Лавки, пол без устали скоблила,
Не кривя крестьянскою душой.
Ветки ельника в порог стелила.
Запах ароматный хвои
Был приятен барину,

Что застыл неловким воином.
Тесноту не отменить указом царским.
У хозяйки множество достоинств.

Старцы ожидали приглашения,
Сесть на лавки не имели права.
На столе стояло угощение
Из различного соления.
Над божницей, свитые в веночек травы.
Рядом с печкой кочерга с ухватом.
Неизвестно чем хозяйка встретит,
Если поторопить её ответом.
Клюквенным напитком в братине
Или стукнет хлебною лопатой.

Женщина в прилубе³³³ нарядилась,
Вышла в сарафане с золотым галуном,
Отразив небесное светило
Ярким набивным рисунком.
Длинные концы у пояса распущены.
В белую рубаху с рукавами

³³³ Прилуб – закрытый дощатой перегородкой печной угол

Вышивкой и кружевом
Заклинанья вложены орнаментом.
“Проходите, гости дорогие.
Вести принесли благие,

Раз под руку с барином пришли.
Выглядит намного лучше.
Не заморышем, оторванным с земли.
Колосок пшеницы тучной
Вижу я перед собой,
Молодецкий боевой.
Травка видно помогла,
Что болезнь удрала из села”.
Улыбнулась ласково Верея,
Одевая телогрею,

Чтобы дойти до речки за водой.
Барин взял пустые ведра,
Не подумав головой,
За вдовой хлестнулся бодро.
По тропинке шёл хмельной
Мимо изб, дворов укрытых,
Как судебный обвинитель
Милovidный покоритель.
Разговор завел живой
С откровенной простотой.

“Где твой муж, красавица?
Почему живешь без деток?”
“Не хочу с тобой лукавить.
Удручаешь, словно с арбалета
Прямо в сердце целишь!
Раньше проживала в Илионке³³⁴
Из Руси с гонимыми насельниками.
После свадьбы верной жёнкой
Для Никитушки была.

³³⁴ Илионка – поселение старообрядцев в Польше

Нас беда настигла в Верхотурье³³⁵.

Горд и смел мой муженёк.
За меня однажды заступился,
Кулаками сшиб охальство казаков,
Что вокруг бесстыдно вились.
Но его убил капрал Назаров
Штыковым ударом.
Я с детьми дошла сюда,
Бог послал госпочку³³⁶,
Для утехи не оставил и следа
От сынов и дочек”.

“Ты поэтому ведуньей стала?”
“Нет, отец был колдуном.
Умереть не мог, кричал,
Дабы мы сломали дом,
Крышу брёвнами подняли.
Чтоб не мучился он долго,
Сострадая, знания взяла,
Применяла их на пользу.
Ты, я вижу хромоножка,
Не идёшь прямой дорожкой”.

“Вздор, сударыня, на пулю жаловаться!
Слава богу, что живой остался”.
“Вижу рана запоздалая,
Что ж лечить увечье не пытался?”
Новиков поставил вёдра к проруби.
Как лошадка беспризорная
Маялся в отчаянье,
Не сгибались ноги окаянные.
А Верея наливала воду,
В белой телогрее стан лебедки

³³⁵ Верхотурье – город, он оказался на главном пути старообрядцам в сибирские земли в 1764 году

³³⁶ Госпочка – оспа.

Очаровывал поручика любовью.
Он не ведал чувства крепче.
Вместо длинного присловья
Чары женские взметнули цеп³³⁷.
В голубых глазах магическое действо.
Шабаш ведьмы так силен,
Что, забыв про Аннинский³³⁸ закон,
Дрогнул сердцем полицейский.
“Право, успокой мне мысли,
Нахлебался вдоволь в жизни,

Отставным калекой проклят и забыт!
Стать мне преданной подругой.
Мне не чужд крестьянский быт.
Утомился волочиться на подругах
Без надежд и веры”.
Засмеялась ворожея, возражая офицеру:
*“Красна девица гуляла,
Самоцветы в камнях собирала.
Не во всяком камешке искра,
Не во всяком молодце игра.*

Ты не веришь в древние заветы.
Против солнышка обряды ваши.
Девушкой меня не видел в Ветке³³⁹,
Озорной весёлой краше.

³³⁷ Цеп – ручное орудие для молотбы

³³⁸ 25 мая 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ, который должен был способствовать искоренению в России суеверий и всякого рода "обманного" волшебства. По Аннинскому указу продолжали судить волшебников и суеверов и при Елизавете и именно на 1730 – 1761 гг. Падает в России самое большое количество известных процессов по волшебным делам (почти 150 из 200!).

³³⁹ Ветка – Восточное Полесье

Чем же приглянулась скучною вдовой?
Я тебя не заговаривала.
Сам пошел на прорубь за водой.
Попусту наваял хмари”.
Загрустил гвардеец, посерел лицом,
Точно подавился огурцом.

Взял у чародейки вёдра,
Молча захромал назад к избе,
Час, побыв на смертном одре,
Покорившись заживо судьбе.
Он не слышал, как шептала сзади,
Вспоминая разных гадов,
Добрая волшебница Верея,
Лишь для вида представляясь злее.
На крыльце толкнула господина,
Вылив воду, он упал на спину.

Искупался в зимней бане.
Женщина ответила без брани:
“Жаль, что не уклюж,
Не шипишь, как скользкий уж,
Сбегай за водой обратно.
Я тебя у дома подожду”.
Новиков её слова понял превратно.
“Посмеялась на мою беду!
Хворому руки подать не хочешь,
Сердце разрываешь в клочья!”

За балясину, держась, поднялся.
А в ногах пружинит сила.
Сделал шаг и сразу догадался.
Прежнее здоровье воротилось.
Мокрым холода не чуял,
Воздух выдохнул, ликуя:
“Это ты, моя любовь, спасла меня!
Как же я тебя обидел словом!”
Перед ней припал без всякого стыда,

Счастье, встретив у зимовья.

Дверь открыли настежь старцы.
“Перестать шалить, беспутница!
Заморозишь барина.
Чары не хомут,
На вожжах не держат путь”.
Отвечала с гордостью Верея:
“Трижды в день я приговариваю,
Прогоняя великана змея,
Чтоб избавил от мучения угарного,
По дорожкам страх развеял.

*Просит раб святую Богородицу,
Возлюби его любовью огнепальную.
В сердце оживают всходы,
На Матрёну³⁴⁰ бью о наковальню
На прошение и на чужую веру
Подымитесь, буйны ветры.
Выдуйте песочек жёлтый.
Гробовой доской раскройся,
Вылети на небо, мать голубем,
Ледяной водой умойся!”*

Поклонились бороды седые.
“Кличешь ты в дубравушку
Наши годы молодые.
Коль нужда не по забаве
Проходи, хозяйка в дом.
Тайну скажешь за печным углом”.
Новиков надел кафтан сермяжный,
Сел на лавку гостем важным.
Харитонушке годов за девяносто,
Глаз его орлиный острый.

Кряжистый не раз борол медведя.

³⁴⁰ 22 ноября

За сохой ходил играючи.
Пахарем был не последним,
Жил безбедно припеваючи.
“Свет-Сергеевич, ты вижу рад!
Ножки больше не гудят.
Раньше был болотной цаплей,
Не ломал прилюдно шапки.
Что же ныне подобрел
За каких-то семь недель?”

Барин, мужиком одетый,
Им отвечал довольно ласково:
“За добро пойду в свидетели.
Перед богом отвечать согласен.
Харитонушка, стань сватом,
Крестным батюшкой и дядей!”
Покачал головушкой раскольник.
“Молодец, не там невесту ищешь.
Ты своей господской волей
За окном как сокол рыщешь.

За Верею общество заступится.
Вера разная у нас, голубчик.
По лесам в глуши скрываемся,
Возрождая мир необитаемый,
Христианские молитвы учим”.
Старец вдруг запел певуче:
*“Гой, ли вы, леса да тёмные,
Гой, ли вы, леса дремучие
На земле светло-русской
Не бывает в сердце тучи”.*

“Коли перейду я в вашу веру,
Не откажите в невесте?”
“Барин, не чуди усердием!
С лихостью не жди последствий.
Ведь тебя сожгут в огне попы
Под пристойный гнев толпы!

Дворянин и вдруг такая участь!
Аввакум³⁴¹ терпению нас учит.
Но об этом разговор нескорый,
Стань сначала духовборцем.

Мы пришли с другой причиной.
Ты хотел узнать о дочери царицы.
Либо отрицаешь мысли в середине
Ради похоти амбиций?”
“Нет, приступим к следствию!”
Благовестка³⁴² прятала иконы.
Кружки, блюда повседневные
На столе стояли на поддоне.
Их Верея унесла со вздохом,
Положив траву чертополоха.

“За гадание какая будет плата?
Коли даром? Прогоню ухватом!”
У Вереи слово твёрдое.
Кашлянув, лесные старцы,
Отвечали ведьме поговоркою:
*“Раз печная бабка нагребала жара.
Всё казалась мало.
С жадности загнеткой стала”.*
А Кириллушка добавил для приманки:

³⁴¹ Аввакум Петров – протопоп, выдающийся писатель XVII века;

³⁴² Благовестка – состояла из двух сшитых полотнищ белого холста, украшенных вышивкой геометрическим или стилизованным растительным орнаментом в несколько рядов красными хлопчатобумажными нитками, полосками кумача между рядами вышивки, воланами по нижнему краю или кружевом. Поле холста, свободное от полос вышивки, заполняли звездочками, выполненными красными нитками. Благовестка подвешивалась перед иконами, закрепляясь на стене или божнице с помощью матерчатых петель. Ее раздергивали только во время молитвы.

“Будут тебе пряники,

В баньке веником попарим”.

“Хорошо, согласна пошептаться.

Пряники медово-царские

Привезете мне из Братска.

Баньку пусть истопит барин,

Да меня отмоет паром”.

У гвардейца дрогнули колени.

Сердце трепетало от волнения.

Кудри зачесались на затылке,

Точно наступил ногой на вилы.

Слово сказано, как хлеб нарезанный,

Дотемна не станет черствым.

Сжалились с условием железным,

Поступились с гордостью.

Что плохого в том, святая баня

Все грехи с людей смывала.

Тело упоенное желанное

С чистые одежды одевали.

В русской бане радость вдохновения.

Ум трезвее от холодных сеней.

“Расскажи кого ты ищешь? —

Молвила Верея, зажигая свечи, —

Ты царевну, в одеянье нищенки,

Впрямь готов сразить картечью?

Господи, благослови десницу!

Возврати блаженного в блажницу³⁴³”.

Бросила волшебную крапиву,

Опустилась у окошка на колени,

Призывая духов говорливых

Для дорожных приключений.

“Утренняя зорька размыкается,

Звери из пещеры выбираются,

Птицы из гнездовий разлетаются.

Божий раб зарею умывался,

На вечерней зорьке утирался,

Красным солнцем одевался,

Светлым месяцем перепоясался,

Звёздною вощиной³⁴⁴ подтыкался.

Не боялся медно-звонной ясности.

На лице румянцем разыгрался.

Покорюсь и помолюсь.

Царские признаю очи.

На кормилицу не наляжусь!

Не ударит шпорой память кочет!

Как служили вы царям

Послужите вы рабу.

По лесам и по борам

Загляните в каждую избу.

День послужите, да ночь послужите,

Принесёте вести друг за дружской.

Каждый час от века к веку.

Ключ в замок к словам моим.

Где не в силах человеку,

Демон там неутомим”.

Встала, покрестившись на иконы.

Старцы, барин ёрзали на лавках.

Вера старая не ведала препоны,

Принимала мысли здравые.

Собрала хозяйка воск горячий:

“Заменуясь, раб крестом животворящим!

Крест на мне, передо мной стоит,

Крест за мной от дьявола спасёт

От мучительных забот.

Вражьих бесов победит,

³⁴³ Блажница — дом умалишенных

³⁴⁴ Вощина — восковый остов пчелиного сота

*Духов в доме поселяющих
Крестной силой опаляющей.
Близ меня Христос, архангелы и ангелы,
Божьи силы, страшны серафимы³⁴⁵
Неусыпным озарят вниманием,
Сохранят святое имя.*

*Бог, помилуй, грешную рабу Верею.
Слово крепко, яко камень, дьяволу, аминь!”
Ворожея улыбнулась, выполнив затею,
Обращаясь на путь истины,
В чашах поднесла мужчинам кваса:
“Пейте, на здоровье, братья!
Ваши ожидания не напрасны.
Слушайте, последствие гаданья.
В Петербург отправила помощницу,
Дарию с небесными извозчиками.*

*Повествует из дворца интригу тайную.
Родила зимой Екатерина дочку.
Милостью Елизаветы окрещенной Анной³⁴⁶.
Но принцесса умерла цветочком³⁴⁷.
Бедная душа её в изгнанье вечном.
Бог решил облегчить жизнь невинной.
Осенив крестом восьмиконечным
Ручеек под моховой периной.
Там она родилась заново на свет
Ради счастья мимолётных лет.*

*Кто она и где её обитель
Сказывать не велено.*

³⁴⁵ Серафим – ангел, относящийся к одному из высших ангельских ликов

³⁴⁶ В честь старшей дочери Петра I, матери великого князя.

³⁴⁷ Анна – дочь Екатерины II, родилась 9 декабря 1758 г., умерла в апреле 1759 г.

*Может это я – ваш соблазнитель.
Вдруг душа царевны в грешном теле?”
Глянула на барина лукаво
Взглядом гордым своенравным
И продолжила певучим голосом,
Опершись на стол локтем,
Поправляя волосы,
Связанные шёлковым узлом.*

*“Загадай, мне, девица
В кой руке былинка.
По закону древнему
Жизнь возрастёт малинкой.
Молодцу достанешься,
Снарядись пригожей.
Коли не состаришься
Рожицей в рогоже”.*
*Петушок захлопал крыльями,
Коготком в циновку зацепился.*

*Новиков смотрел в глаза коровы
Простодушные спокойные.
Помело из веточек сосновых
Возле печки ставилось пристойно.
Выше окон стены были чёрные,
С копотью невзорной³⁴⁸.
Сажа оседала на полавочниках³⁴⁹
Кошке белой на забаву.
Жернова ручные наискось двери,
Где колдунья спала до зари.*

*В русской бане печь истоплена.
Низкий потолок касался головы.
Поскребла Верея копоть.*

³⁴⁸ Невзорный – невзрачный

³⁴⁹ Полавочники – полки, располагавшиеся по периметру избы выше окон

В дверь открытую клубился дым...
Домотканая рубаха длинная.
Ворот, грудь в богатой вышивке.
Рукава её косыми клиньями
Красными широкими и пышными.
Ноги босые стоят на лавке жаркой.
Терпит, улыбается дикарка.

Хлещет её веником крапивным
Точно птичью живность
Господин страстей любовных.
Багровеют ссадины до крови.
Волосы волной тяжёлой
Вымокли, обвили стан
Связанною проволокой
В непреступном женском танце.
От ударов сильных не слукавишь.
В листьях жгучие булавки!

“Покажи, красавица, рубцы на теле.
Может, хватит истязать тебя?”
“Коли скину я рубашку,
Ты забудешь о метели,
Безрассудно влюбишься в меня.
Онемеешь, побегут мурашки.
Упадешь как конь от жаркого огня”.
Поплескав на каменку из шайки,
Вдовушка сняла рубашку невзначай,
Пот ручьём на пол стекал без тайн...

Вышел барин подышать в предбанник,
Поостыть от яростной жары,
От любовного купанья,
Соблазнительной игры.
Слышно было как за дверью,
Пела песенку Верей:
“Заинька, до снега ты задорный.
Слава те!

*Убежишь в чужую сторону.
Слава те!*

*Нежели колечко вынется,
Все несчастья сбудутся.
Дни с ненастной повинностью
Сдавят грустью белу грудь”.
Харитонушка дрова рубил,
Топором, касаясь бороды
Острием, нащупывая смерть:
“Бог на небесах, архангел Михаил,
Кабы не было беды
На алтарь воздвигнем жертву”.*

На морозе был в косоворотке.
На ногах просторные упоки³⁵⁰.
Складывал поленья для молодки.
Не боялся развязать пупок.
Если лет с десятков сбавить,
Взял бы в жены золотую бабу,
Дабы старость позабавить.
Бобылю житье не сладко.
Словно камень без оправы
Пегим выглядит в заплатках.

По проулку шёл наставник.
Снег скрипел под сапогами.
Повернул по тропке вправо
К баньке быстрыми шагами.
“Праведное дело ли затеяли? –
Молвил он, пощипывая бороду,
Инеем дыхание заваяло, –
Знаешь что, колодник заговорщик.
Барина приманивал подолом,
Убежать хотел на волю?”

³⁵⁰ Упоки – сапоги вяленые из шерсти

“Слышал сам, в избе признался”.
“Он не всё сказал, каналья!”
“В чем ещё разбойник виноват?”
“К Пугачеву чаёт убежать!
Помнишь казака под Стародубом³⁵¹,
Про него рассказывал Вавила.
У него умишко без зазубрин!
Жизнь походная обогатила.
Филарету передал поклоны с Ветки.
Горюшко народное разведал”.

“Но откуда Киприан учуял?
Слух былъем порос давно.
На мороз кукушка не кукует!
Из снопов повыбили зерно”.
“Харитонушка, ты слушай главное! –
Покосился старец, вглядываясь в баньку, –
Удивительная правда.
Та беглянка, на которой барское внимание,
К Пугачеву едет с верными людьми.
Не боясь, погони и тюрьмы”.

Покрестился старец в небо.
“Да неужто отыскался император батюшка!
Встретим его с солью-хлебом.
Избавитель от помещиков и знати
Барство будет разорять.
Нашу веру кровью защищать.
Люд избавит от гонений,
От венца мучения,
От горячих слёз и горечи обид,
За убитых и сожжённых отомстит”.

“Мы в заглушь со зверями дружимся.

³⁵¹ Пугачев Е.И. в 1772 году жил четыре месяца в раскольничьем ските под Стародубом, где находили приют множество беглых.

Птица на лету роняет перья.
Был бы царь с мужицкою наружностью,
Да со смелым неподкупным сердцем,
Вот тогда бы дрогнули дворяне.
Что прикажешь делать с барином?
Он, поди, милуется с Вереей на лежанке”.
Харитонушка Кирилла оговаривая,
Возразил: “Любовь желанное лекарство.
Скрутим Новикова узелком завязанным.

Пусть любитесь на жёнушку.
Нам полгоря не беда.
От домашних бастионов
Ещё не было вреда”.
Покачал Кирилл в сомненье головой:
“Плохо в обороне соколу с вороной.
Офицер нам человек чужой.
Беспокойство лишь одно.
Налетят приказчики с проверкой.
Будут пашни наши мерить.

Сунут нос в окно,
Не поешь ты толокно”.
От деревни три шага до леса.
Как прекрасно это место!
Зимним изумляло зрелищем.
Серебристые короны украшали ели.
Над долиной высились утёсы.
Ветер обдувал им красные вершины
Из песчаника и глины.
А внизу в снегах луга покосные.

Дым с печей уносится в ложбину.
В чёрных тучах небо.
В доме у Верей дивное таинство.
В кованом светце горит лучина,
Из берёзовой отменной щепы.
На столе лежит краюшка хлеба.

На прозорливой кокошник островерхий,
Он в узорах лебединой верности.
Из-под сарафана рукава видны.
Пояс шёлковый большой длины,

Оборачивают в талии его не раз,
Чтобы сглазить от проказ.
Если пояском связать в лесу осинки,
Жениха отыщешь в вечеринке.
На коленях Новикова дремлет кошка,
Слушает, что говорит хозяйка:
“Вы привыкли к роскоши,
Привередливый зазнайка.
Вам крестьянка бедная не пара.
Проиграете, гуляя, в карты.

Продадите для забавы
В рабство старому вельможе.
У господ развратны нравы.
Лица в пудре из холеной кожи”.
Подпоручик ерзал у окна на лавке.
“Нет, моя красавица желанная!
Ты женой мне будешь вольной.
Истомился в долгом ожидании.
Я не кадка, что стоит в подполье,
Чтоб молчать украдкой на свидании”.

“Как же с верой быть?
Муж с женой две половинки.
Разве можно мир срамить?
Пирогі вкусны с осмысленной начинкой.
Не пекут её горячей, студят наперед.
Для меня вы слишком молод.
Я тем более колдунья.
Мои мысли, как тугие струны,
Станут на ветрах звенеть.

А когда состарюсь в суховеть³⁵²,

Хоронить меня тревожно будет.
Как бы не было вам худо”.
“Зря смеешься, Веренеюшка!
Не колдунья ты, а знахарка!
От недуга исцелишь, умеючи.
Все болезни победишь во снах”.
“Крепостная я, раба господняя”.
“Да я выкуплю тебя, красавица!
Увезу к себе на родину
В тульскую губернию отправимся

В деревеньку к моей матушке”.
“Как ты выкупишь меня?
Если я не знаю чья!
Встреч за солнцем двигалась на каторгу.
Нас везли в сибирский край далекий
Под солдатским неусыпным оком”.
“Упаду я в ноги, сжалится Екатерина,
Наша мудрая императрица.
Как родную дочь и сына
С радостью благословит в столице.

Едем, душенька со мной!”
“Ну и кот, хитёр, однако.
На сторонущке чужой
Мне придётся плакать, –
Встала перед барином запела:
Ой, медведь – пыхтун.
Слава!
По реке идёт шатун.
Слава!
Как он пыхнет к нам во двор.

Слава!

³⁵² Суховеть – сухой хворост

Мужем станет мне не вор.

Слава!

Ой ли так добра царица,
Что согласна отложить топор,
Посмотрев на подлую девицу,
Во дворянстве разрешит мне жить!
Сладкому мечтанию не быть.
Бросит умирать в темницу.
Не плети, друг милый, небылицу”.

“Не желаешь следовать за мной.
Значит, мне не веришь!
Ты была бы ласковой женой,
Обвенчались бы с тобою в церкви”.
“В церкви мне противно.
Обвенчаться можно вокруг ели.
Лишь поп сошёл за живчика,
Пригласи его на ветряную мельницу.
Должен ты поехать в городок,
Как гвардеец доберёшься в срок.

Привезёшь попа, сыграем свадьбу”.
“Почему на мельнице сиротски?”
“Башмачок пришёлся на гадание,
Бросила, упал он за ворота.
Да попу опасно к нам приехать.
Сплетни баб излишняя помеха.
Как бы слух до Братска не дошёл,
Батюшку за доброту воткнул на кол”...
Харитонушка, кряхтя, спустился в сруб.
Вытащил из бодни³⁵³ волчью шубу.

353 Бодня – предмет домашней утвари, представляла собой деревянную емкость для хранения одежды и мелких предметов домашнего обихода. В русской деревне было известно два вида бодней. Первый вид представлял собой длинную выдолбленную деревянную колоду, боковые стены которой изготавливались из цельных досок. Отверстие с крышкой на кожаных петлях

Из холодных сеней, дверь открыл в избу.
Посмотрел на Киприана без лукавства,
Сбросил с головы клобук³⁵⁴,
Шубу положил на лавку.
“Вот, дружище в этой шкуре не замёрзнешь.
Полежишь денек в гробу.
Небольшая для спасенья норма”.
“Мочь не стоит рисковать?”
“Без отваги нет и браги!
Божью милость примешь в благодать.

Надобно тебе исчезнуть с миром.
Барину доложим, болен оспой.
Он собрался в город, блажит с жиру.
Пожениться хочет с лоском.
Похороним понарошку возле ёлочки,
Ты не бойся, из могилы выйдешь.
Есть у нас один секрет подпольный,
Не подай лишь виду,
Что здоров, как буйный мерин
На прощальный вечер.

Новиков совсем уедет, откапаям”.
Почернел казак от горя,
Грех большой быть отпеваемым
На морозе под надзором.
Свет забрезжился³⁵⁵ над лесом.
По овражку след безвестный
Протянулся, гнали лося волки.

находилось в верхней части колоды. Бодня второго вида - это долбленный или бондарный ушат с крышкой, высотой 60-100 см, диаметром дна 54-80 см

³⁵⁴ Клобук – головной убор монахов, высокий цилиндр без полей с покрывалом; черный у простых монахов и архиереев

³⁵⁵ Забрезжился – чуть светало

Чёрным издали казался.
На ногах высок, не толстый.
Приложив рога на спину, в бег подался.

Видно бедного достала стая,
Что с вертепов выгнала к жилью.
Волки, тщетность схватки понимая,
Не приблизились к селу.
Долго были раздирающие песни.
А сохатый головой в два пуда
Шёл по огородам, путешествовал.
Уши пригибал причудливо.
Старожилы люди честные,
Не притронулись к ружью в отместку.

У Вереи проводы, народ собрался.
Барин был слегка печален.
Занемог дружок, болезнь повальная
Без конца и без начала
Жертву среди храбрых выбирает.
Не пришлось пожить головушке казачьей.
Смерть ворота открывает,
Не стыдась ни слёз, ни плача.
Обещал попа доставить,
К упокойной трапезе или заздравной,

Что бог на сердце положит,
Он судьбы достойный сторож.
Кладбище старообрядцев верно старине.
Крылья голубцов широкие и длинные
Сверху крытые тесинами
Вызывали трепет и волнение.
Деточек скончавшихся оплакивая,
Встала бедная крестьянка на колени
Перед сказочными знаками
Для душевного благославления.

*“На какую мне пойти сторонушку?
Коль на левую, не вытерпев закона,
Люди добрые осудят в скорости.
Не ученая укажут, не торёная.
В правое плечо ударит молодец,
В левое плечо подружки дружные.
Книжный мир засветит солнышком.
Между алой ленточкой и суженым
Отрицаю я разлуку чёрную,
Жизнь безвольную позорную.*

*Слово божье, озаряясь свечкой яркой,
Стань в лесах пшеницей белоярой³⁵⁶,*

³⁵⁶ Белоярая пшеница, – кукуруза, пшенка, початки, маис; поминается в сказках, как конский корм

Будет чем коней кормить,
А невесте позабыть свой стыд”.
Сели в сани молодые.
Харитонушка бичом махнул.
Расступились горы вековые,
От лавин пронёсся гул.
Тридцать верст от Братска,
Мельница смолола век солдатский,

Срублена за двадцать лет назад.
Поворачивали к ветру шапку с крыльями,
И амбар без тягостных преград.
Парусина направляла ветра силу.

От селенья нет теперь следа.
Вместе с лесом выгорело от пожарищ.
Вниз упала страстная звезда,
Осветила спящие в сугробах гари.
Возле елей спрятана сторожка,
Замело пути дорожки.

Рядом с ветряком уютная избушка,
Расписная для охотников игрушка.
Подкатились сани
К зимнему пристанищу.
“Веренеюшка, не дева-птица!
Не оставлю ночевать одну.
Язви что-нибудь случится,
Голову себе от мук сверну”.
Молвила в ответ красавица:
“Не спеши сомненьем обезглавить,

Коли любя я тебе, вернёшься
Через день на лошади,
Возвратимся по-домашнему.
Не волнуйся, мне не страшно.
Если в городе другую встретишь,
Харитонушке расскажет по секрету.
Словно с ярмарки одна приеду,
Уезжала за товарами нередко.
Мне не стыдно будет перед богом,
Наобум не переступлю порога”.

Новиков помог невесте выйти.
Дед, смеясь, принес вязанку дров.
Печь разжег с невинным видом.
“Не кручинься, барин, словом,
Не замёрзнет за денек зазноба.
С лета заготовлена поленица
Под навесом рядом и удобно.
Чай твоя подружка не растение,

Не сломается от тяжести.
За дровами сходит дважды”.

Шубку, сбросив на пол соболиную,
Подошла к гвардейцу милая княгиня.
Обняла его за шею ласковой рукой
И, смотря в глаза, залилась песней озорной:
*“Прилетела птица райская,
Пела песню царскую.
Села на престол,
Говорит с Христом
«Боже, боже мой,
Не хочу домой.*

*Ты мне волю дал
На царей и на князей.
Для шальных затей
Крылья расписал.
Только нет мне воли
Щукой плавать в море»”.*
Грустно было ехать дальше.
Солнце блекло на снегах сусальных.
Тени синие сквозили по овражкам,
По замёршим накрепко мочажинам³⁵⁷.

По гранитным берегам Оки
За берёзками сосновый лес.
Сам острог стоит на подступах реки.
Лёд кольцом сковал окрестность.
Ангара бушует летом на порогах,
До зимы неукротим Падун³⁵⁸.
В звёздном небе лунный рог
Заискрился огнём ведуна.
Проступили башни, слышен лай собак,
Скрип саней по тракту.

³⁵⁷ Мочажина – топкое болото.

³⁵⁸ Падун – самый большой порог.

Харитонушка коней направил
К малому ангарскому проходу.
Но нечистый дух слукавил.
Часовой в воротах, пьяный с водки,
Колобродя, путь загородил,
Штык в оглобли упредил:
“Кто там едет? Паспорт сверю аккуратно!
Не приказано чужих пускать!
Прочь от складов с порохом,
От завода винного, конторы!

Суетясь, запутался в полах тулупа.
В епанче с ружьем упал в солому.
На курок нажал по глупости.
С караульной выбежали в помощь
Сотоварищи не в промах.
“Сенька, кто тебя стреножил³⁵⁹?
Эти что ли бородатые разбойники?
Ну-ка, подтвердите ваши рожи!
Слово супротив, считай покойники!
Рыбам сбросим вместо хвойника!”

Старый инвалид капрал был поумней,
Братию солдатскую утихомирил.
“Пропуск есть для сторожей,
Дабы вас не гнать секирой
До подножья Антифея³⁶⁰?”
“Я ассессор Новиков к приказчику.
Нас задерживать не смеете”, –
Барин выкрикнул в ответ.
“Что за чертовщина каркает?
Полководцем с нами разговаривает?

³⁵⁹ Стреножить – путать три ноги у коня

³⁶⁰ Гора Антифей, 60 верст от Братского острога

Ай да гусь, взаправду благородие?”
С факелом приблизился вплотную,
Осветил лицо угодника,
Словно статую лепную.
“Без мундира и письма въезжать не смеее!
Правила, надеюсь, разумеете?
Из чинов кто знает в городе?”
“Начинай, друг с воеводы...”
“Воевода месяц как в Иркутске,
Говорите ясно, не запутывайте”.

“Сам приказчик Емельянов”.
“Он в отъезде по делам в Илимске.
Что же вы, смутьяны,
Называете из тех, которых нет,
Точно мы начальников боимся.
Не шпионы ли переодетые?”
“Хорошо спросите рядового Конева”.
“Якова? Он болен, нет препона,
Мы его доставим, если будет магарыч!”
“Бестия, согласен, побыстрее кличь”.

На квартиру, отведённую солдату
Вызван был, спеша, гонец.
Он артиллериста с препинанием
Еле выволок с тепла, не шёл подлец.
Думал, что хотят на пост назначить,
Покуражился, не сломанный калач.
Но узнав о господине Новикове,
Согласился лицезреть на высшее сословие.
Валенки одел и вышел, охая на двор,
Понарошку без озноба хвор.

Барин, улыбаясь, прыгнул франтом,
Подошел походкой бодрой.
“Яша, я перед тобой, мой друг угодливый,
Успокой словечком пьяниц!
Помнишь Померанию и Данциг,

Как мы осаждали крепость Кольберг³⁶¹?”
Бомбардир на шею сжал рубаху с болью:
“Славная была баталия!
В оный день пустили много бомб и ядер!
Путь очистили к Бреславлю.

Кто ты, братец, что-то не припомню?”
“Я же Николай Сергеевич, вот дурень!”
“Новикова знал, он хром, под осень помер,
Сказывали, по тайге набедокурил”.
“Да пустое это, слухи!
Я живой, спроси у ездового”.
Канонир³⁶², сраженный золотухой,
Не поверил, посмотрел на ноги.
“Ты шалишь, заврался зудом.
Отчего прикидываешься, сударь?

³⁶¹ Война с Пруссией 1760 г.

³⁶² Канонир – нижний чин в армейской артиллерии

Про меня узнал, поди, случайно.
Что давно уже не тайна.
На пирушках сам хвалился,

Только в меру подвигом бодрился, –
Обращаясь к остальным, добавил, –
Он не Новиков, каналья.
В арестантскую отправьте,
Меньше будет зубоскалить”.
В погреб бросили холодный
К оборванцам, голь голодную.

Кандалы бренчат в потёмках.
Раздаются крики, стоны.
“Вот тебе и свадьба с приданым,
Нет попа, одни обиды! –
Заворчал незлобно Харитонушка,
– Не дожётся нас Верей,
Сколько вышло в лапоть звону
От твоей дурной затеи!”...
Завывает ветер, снегом в дверь стучит.
Не стихает вьюга от молитв.

День прошёл. Нет весточки от милого.
Как бы ненаглядные не заблудились.
Из лукошка, доставая пироги ржаные,
Вслушиваясь в шорохи лесные,
Добрая хозяйюшка слегка печалилась.
Как там живность без неё осталась?
Кто накормит гульную коровушку³⁶³?
Евдокия не надежна словом.
Дым струится в волоковые окошки.
Слышится Верее, волки в близости ерошат³⁶⁴.

Дров в избенке мало.
Выскочила, да к поленице.
Мёрзнут от мороза пальцы.
Снег дрова засыпал не ко времени.
Кое-как в охапку набрала,

³⁶³ Гульная корова – без молока.

³⁶⁴ Ерошить – доискаться.

Дверь открыла настежь, положила к печке.
Волк метнулся тенью от угла,
Молча вскинулся к крылечку.
Перед носом дверь закрылась.
Стая дом засадой обложила.

Клацают зубами, караулят хищники.
Не покинут лакомой добычи.
Отзываясь воем, жаждут пищи,
Всматриваясь со звериным безразличием
На твердящих кличущих сорок.
Из избы не стелится дымок.
Стены изнутри покрылись инеем.
В подвенечном платье спит невеста.
Топором прошла по клинышку,
Лавки порубила с песней:

*“Не грусти в лесу, рябина,
В белоснежном звёздном сне.
Улыбнется небо синюю,
Милый, вспомнишь обо мне.
Как ты клялся и божился
На блистательную жизнь.
Я сама себя сгубила.
Дозволяю, друг, женись.
Ты сосватаешь невесту,
Разнесёшь благую весть.*

*Не прилично слёзы лить.
Ты поедешь в божью церковь.
Колокольчик прозвенит.
Свет в глазах моих померкнет.
Вас поставят в церкви рядом
И меня перед тобой.
Вам венцы наденут к свадьбе
В одно времечко со мной.
В круг наложь поведут.
А меня, друг, отпоют.*

*Позовешь жену в светлицу,
Мне же в вечную гробницу.
Отчего не веселиться
В молодых годах мечтой.
А я буду травкой виться
Над могильною плитой.
Со слёзой придёшь на камень.
Я красавица была.
Без тебя угасло пламя,
Без надежды умерла”...*

Киприан вставал из гроба к вечеру,
Окаянный барин задержался!
Надоело на досках со свечкой.
Щёки накрахмалены,
Чтобы не краснели.
На глаза наставят медные монеты.
Блохи искушали тело.
Не почешешь с бранью опрометчивой.
Нужно быть покойником спокойным.
Оболят ещё помоями.

Евдокия каждый день бранится.
“Вот, бесстыдница гуляет!
Мне же ноченьку не спится.
Ты, Кириллушка, до блуда позволяешь.
Женщине грешно забыть обитель.
Знаменуя смерть Спасителя,
Свет померкнет от разврата”.
Косо сложенный платок для святости
Прикрывал лицо старушки.
Ей хотелось наказать ослушницу.

По велению наставника
Лошадь запрягали в сани.
Киприан всё слышит.
“Положил ружьишко справное.

Брат, Гордеюшка, узнай у мужичишек,
Что случилось на пристанище”.
“Брат, Кириллушка, пойдём к иконам,
Дабы путь благословить земным поклоном”.
А казак тем временем шубейку утянул,
Из сеней метнулся пулей.

Укатил на санях по овражкам.
А в окошко старцы наблюдали.
Бороды от удовольствия разглаживали.
“Вот, беглец! Получше умывальника
Смыл заботы нашей братии.
Пришлых нет для Божьей Благодати.
Веренеюшка –душа пропащая –
Ускользнула словно ящерица”...
Вслед погони не было.
Тёмное над лесом небо.

Чтоб коня галопом не загнать,
Киприан поводья отпустил.
Вёрст за двадцать стал он примечать,
Как разросся лес, под вечер не осилить.
Стал коня он распрягать,
Но услышал ближний волчий вой.
В обороне, принимая бой,
Он пешком прошёлся по сугробам,
Выбирая место доброе.

К счастью меж ветвей блеснул огонь.
Стало быть, тунгусы рядом.
Прыгнул в сани, повернул в уклон.
Только огоньки как в наказание
Водят, разбегаются зрачками жёлтыми,
Затуманивая голову.
Конь хрипит от свадеб волчьих.
Пожирая трупы неудачливых поклонников,
За волчицей носятся любовники,
На проезжих нападать готовы.

Стаю выстрелами спугивая,
Киприан добрался до избушки,
Где Веря – верная подруга,
Отдавала богу душу.
“Видно не колдунья я, –
Думала страдальца бесстрастно, –
Умираю сладко без огня.
К боли сердца безучастна”.
Ветром точно отворило дверь,
То казак, опережая смерть,

Победил напором плеч.
Слабая невольница слегка засов закрыла,
Спас её, разжёл царницу-печь.
Вся продрогшая, как пташечка без крыльев,
Согревалась медленно, дрожа в ознобе,
Заплетались мысли и слова.
Обомлев в бреду и обмороке,
Память теплилась едва.
Ленты разноцветные в косу завиты.
На кадушке две подушки взбиты,

А на них сидит невеста
Заунывно напевает песню:
*“Ах, калинушка с малинушкой,
Невесёлая беседа рот разинула.
Милого в компании всё нет.
Одинокою лебёдкой замешкалась.
Уткам, гусям на потеху.
Потеряла я в глазах лазурный цвет...
Где же Николай Сергеевич?
В чёрно-огненной геенне*

Канул, голубок в калёный снег
Или безоглядный кинулся побег?”
“Я не ведаю. Бежал от вашей каторги.
Надоела мне, как приторная патока”.

“Харитонушка, поди, расхвастался?”
“Нет, от старца не было вестей”.
Всхлипнула несчастная:
“Горем дунуло от этих новостей!
Как бы не пропали мужики!
На беду бросать не по-людски!

“Знаю, что мне делать?!”
Отвести тебя в деревню не могу.
Не захочешь света белого!
Как размытый мост на берегу
Почернел от жизни лютой.
Все поджилки от тревог трясутся.
Оставлять тебя в избушке
До возврата Новикова
Ласточкой в затерянной ловушке
Мерзко для казачьей совести.

Ты приляг, красавица, засни.
Утром обмозгуем наши действия”.
Лошади якутской нет цены.
С длинной шерстью не дрожит от холода.
Вьючного оленя посильней
На санях везёт побольше груза.
Не боится голода.
Не бывает путнику обузой.
Ноги крепкие короткие
Ищут мох под снегом на болотах.

Пред рассветом Киприан лошадку выпряг.
Три часа она в тайге кормилась.
Сена у людей не выпросишь.
Хорошо, что скинули удила.
Соболь рыхлый снег взъерошил ямками,
Отпечатки лап сливались в скорости.
До валежника бежал упрямый,
Где полевки укрывались в норках.
Солнце приведеньем серым
Не давало днём подкрасться зверю.

Далеко холмы просматривались.
Ближе к соснам стал угрюмей лес.
Летом здесь корма богатые.
Для Дырана самый длинный месяц

Был декабрь. Поздно рассветает
 Трубку выкуришь, темнеет.
 Лось в тайге молчит, не отвечает.
 Чум один на стойбище в снегах белеет.
 Задремал охотник в сладких мыслях.
 Видел он, как розовеют шишки лиственниц.

То весна во сне спешила.
 Сыновья его в мешках лежали.
 Согривал очаг жилище.
 Лай собак привел его к реальности.
 Приоткрыв чуть полог,
 Зорким глазом он заметил,
 В снежной дымке засияли сполохи.

Божество с небес плеснуло сети,
 Осветило ближние границы.
 Взялся за кисет и за трутницу³⁶⁵,

Слыша, как скрипят полозья.

³⁶⁵ Трутница – коробочка для трута.

Значит, русский едет в гости.
 Подышать морозным воздухом,
 Передать за разговором новости.
 Может быть, поможет сыну младшему.
 Шибко занемог боярыня Егорка,
 Падая из скальной впадины.
 Налетел к напасти на кокору³⁶⁶.
 Бледный стал, что отказались духи,
 От жердей навешивают оплеухи.

Он просил их мальчугана вылечить.
 На оленях ездил к старому шаману.
 Сплёл из волоса аркан,
 Из сугробов горностая выловил.
 Но шаман подарок брать не стал.
 “В нижний мир болезнь уйти не хочет.
 Мне, Дыран, уруса жаль.
 Ты одень его в одежды позолоченные.
 Да в унты красивые сложи молитвы,
 Бисером и шкурками расшитые.

Пусть эвенком станет мёртвым.
 Узелок готовь на дальнюю дорогу”.
 Старший сын Никитка спорит:
 “Увези на нартах нас в острог.
 Статься, выживет, зазря хоронишь!”
 Мальчикам на счастье выпала удача.
 Злобно каркнул ворон, отлетая в сторону.
 Сани к чуму поворачивали.
 Киприан без страха внутрь ввалился
 В тесноту унылого жилища.

“Эй, хозяин! Намотал на шею вачи³⁶⁷,
 Голова на звук не поворачивается!
 Принимай гостей без лени.

³⁶⁶ Кокора – пень с корневищем

³⁶⁷ Вачи – длинный шарф из хвостов пушных зверей.

Не кивай мне шапочкой оленя³⁶⁸,
Разжигай огонь сильнее, идол!
Чтоб получше было видно”.
Вышел, чтоб помочь Верее.
Хвороста Дыран подбросил к благу.
Чтобы бородатый стал добрее
Чеснока добавил к ягодам.

Потчевал движением руки,
Из золы достал он хлеба колобки.
Яйца птичьи запеченные
Согревали с холода ладони.
Вяленой икрой – кололи³⁶⁹
Были русские довольные.
Сыновья попрятались в мешки,
Испугавшись поначалу окрика.
“Где жена твоя, неужто одинокий,
Сам растишь птенцов сорочьих?”

Молоко оленьё, взбив до пены,
Удивился сметливости казака эвенк:
“Как ты догадался, что чужие детки? “
“Волосы в мешках не чёрным цветом!”.
Улыбнулась, возразив, Верей:
“Может, в саже вымазались белой?”
“Нет, шаманка, прав твой муж,
Я в лесу ребят нашел в пустой норе”.
“Не жена и не шаманка я, покажи-ка дикарей,
Вытащи виновников за уши!”

³⁶⁸ Круглая шапочка, расшитая бисером; головной убор из целой шкуры с головы оленя: отверстия от глаз и рогов зашивали и орнаментировали бисером.

³⁶⁹ Кололи – рыба икра, ее освобождают от пленок, тонким слоем раскладывают на чистую дощечку или листы, ставят в продуваемое солнечное место. Досушивают над огнем в чуме. Употребляют в зимнее время

Первым вылез из мешка Никитка.
“Барышня, не надо быть сердитой
И настырно бестолковой.
Мой товарищ очень болен”.
Киприан увидев беглецов,
За живот схватился от раската смеха:
“Вот подарочек в улов!
На веселье и потеху!
Вот и встретились, церковные каналы!
Где же вы, ребята пропадали?”

Видя, что казак настроен добродушно,
Рассказал Никитка про мытарства.
Как они чуть не отдали души
Из-за своевольного упрямства.
А Егорка от беспамятства дрожал.
Убиенное дитя Верее стало жаль.
Ласковой рукой коснулась лба,
Чтобы не терзало тело хвороба.
Зарыдал мальчонка: “Мамонька моя,
Сколько лет я плакал без тебя!”

Запечалилась от горя женщина,
Как сыночек родненький позвал её.
Голосочек тонкий с сокрушением
Сердце резанул легко.
Отозвалась мать на плач бедняжки:
“Крошка, зёрнышко, травинка нежная!
Заживут твои костяшки,
Заберу тебя, болезнь бросим сыроежкам”.
Закивал в ответ Дыран, рукой размахивая:
“Я его одену в шкуру росомахи.

Ты, шаманка русская, сильнее
Нашего ленивого шамана.
Не догонит смерть твоих саней.
Упадет в карман забытого кафтана”.

Возразил эвенку Киприан:
“Сани я оставлю здесь.
Должен ты ребят и женщину
Отвести на нартах к поселенцам.
Знаешь, где находится деревня?”
“Знай, Дыран, дорога кружит влево.

Русские живут, однажды проезжал.
Не волнуйся за скитальцев,
Мой уткен³⁷⁰ сильней ружья,
Защиту от бед и зла.
Попрощавшись, поклонился низко
Чуму, приютившему страдальцев,
На коня вскочил казак неистово,
Растворился серым призраком...
Крались, с ветром спутывая шорохи,
По сугробам трое.

Голову уткнул в крыло,
Чувствуя от солнышка тепло,
Свешиваясь с веточки, не слыша говора,
Крепко спал глухарь.
А соперник, спутав календарь,
Песнь запел любовную.

³⁷⁰ Уткен – большой нож на длинной рукояти, применявшийся как оружие против медведя и для расчистки зарослей при путешествии в тайге.

Да затих от холода.
Прогремели выстрелы.
Не успел взлететь шумящим щеголем,
Дробь настигла быстро.

Трифон, в снег роняя капли крови,
Приподнял за шею чёрного красавца.
“Барин, удивили ловкостью!
С двадцать сажен наповал!
Часто к копалухам³⁷¹ улетают вдаль”.
“Вот что значит гвардия в отставке! –

³⁷¹ Копалуха – глухарка.

Засмеялся весело Кирилл Прокопович, –
Прогулялись армией в Европе!
С азиатским пылом отойти торопимся,
Перед нами двери хлопают!

Нам же наплевать, страна большая.
На снегу приятнее сидеть, качаясь маятником,
Обо всём на свете забывая,
На охоте от ходьбы умаявшись.
Правду говорю, Сергеевич!
Что ты, братец, зело хмур сегодня?
Словно брёл дорожкой Моисеевой³⁷²
Сердцу, мыслям неугодной.
Даже дичь твой глаз не радует.
Неужели так привадила

Женская абракадабра³⁷³.
Где твоя бывая храбрость?
Из-за бабы сохнешь до сих пор!”
“Отпусти, меня прошу с покорностью.
Слово дал вернуться к ней.
Я не подлый лицедей,
Чтоб играть на чувствах,
Опозорить не за что любимую”.
Воевода, на дружка надувшись,
Закричал от спеси одержимый,

Жмуря сдвинутые брови
“Эка, сударь, пустяковина,
В голову твою забила щепою,
Что забыл по каверзной нелепости,
Послужить отечеству,
До Сибири не пустить воров.

³⁷² Моисеева дорога – млечный путь.

³⁷³ Абракадабра – таинственное слово, перешедшее от древних евреев и греков; род заговора.

Ополчение дворянское смыкает плечи,
Ты толкуешь про любовь!
Собирай-ка добровольцев в полк
Для расправы над восставшей голью.

А вернёшься, свидишься с красавицей,
Коли любит, подождёт”.
Больше воеводу не растравливая,
Новиков примолк, смыкая грустно рот,
Проронив лишь раз печально фразу:
“Харитона отпусти с тюрьмы,
Он напрасно был наказан”.
“Хорошо, пойду на эту милость.
Как же ты остался без погона,
Офицерский шарф забыл для обороны,

Потерял свой фрак и панталоны.
Кто ж тебя признает барином.
Сразу повязали молодцы супонью³⁷⁴,
За разбойника признали сразу, -
Улыбнувшись, подобрел Кирилл Прокопович, –
Будешь, друг, в Иркутске с расторопностью
Разузнай о дочке Александре.
К родственникам погостить поехала.
Любит над людьми командовать.
От её потехи кавалерам не до смеха.

Познакомишься с Еленой”.
“Что за барышня?”
“Дочь купца Арсения.
Взглянешь на неё, забудешь про дикарку”...

³⁷⁴ Супонь – ремень, коим стягивают хомутные клешни, под шеей лошади.